

ИРИНА
ЛАЗАРЕВА

ЛОСЬ
В ОБЛАКЕ

Ирина Лазарева
Лось в облаке

«Ирина Лазарева»

2007

Лазарева И. А.

Лось в облаке / И. А. Лазарева — «Ирина Лазарева», 2007

ISBN 978-5-9524-2890-4

Поселковый сирота Саня и городской подросток Вадим сдружились навек. Но отцу Вадима, крупному чиновнику, не хотелось делиться влиянием на сына с каким-то деревенщиной. У поднаторевшего в интригах Березина-старшего были свои методы: выяснив, что юноши влюблены в одну девушку, рыжеволосую красавицу Веру, он понял, что теперь одновременно может разрушить и дружбу, и любовь сына... Жесткие девяностые годы снова проверяют на прочность мужчин, выбравших разные, но одинаково опасные пути.

ISBN 978-5-9524-2890-4

© Лазарева И. А., 2007

© Ирина Лазарева, 2007

Содержание

Пролог	5
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	38
Глава 8	40
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ирина Лазарева

Лось в облаке

*Сквозь накупь дней, издалика
Блеснет заветная река,
Где тихий плес, зеленый бор
И птиц хрустальный разговор*

Пролог

Ранним утром в середине мая 2000 года, в час, когда едва забрезжил рассвет, на северной окраине Москвы, на втором этаже заброшенного четырехэтажного дома, предназначенного под снос, среди кусков отколовшейся штукатурки, ошметков обоев, продавленной и побитой кухонной утвари, драных матрацев и деревянной рухляди, на колченогом фанерном стуле сидел мужчина лет пятидесяти. Руки его были стянуты за спиной веревкой и привязаны к спинке стула, лицо в предрассветном полумраке казалось синюшным, растрепанные жидкие волосы торчали пучками по бокам облысевшего черепа, нижняя чисто выбритая челюсть мелко дрожала, маленькие глазки с испугом и злобой смотрели на человека, который стоял перед ним, сжимая в руке пистолет с глушителем.

Человек с пистолетом был высок и широкоплеч, крепкого телосложения, на вид лет тридцати пяти. У него были густые каштановые волосы и карие, холодные, словно осколки коричневого бутылочного стекла, глаза. Одет был в дорогой, отличного покроя костюм, голубую сорочку и шелковый галстук.

Лысый сучил ногами, балансируя на неустойчивом стуле, и гнусавым, срывающимся на фальцет голосом говорил быстро и сбивчиво, как в горячечном бреду:

– Шатун, ты подумай, что ты делаешь, подумай, сынок. Я ведь твоего отца знал. А? Вспомни, Шатун. Разве я хотел? Это не я, клянусь богом, не я. Я не хотел ее убивать. Я даже не знал, что она в машине.

Человек, которого он называл Шатуном, недобро усмехнулся и навел на него дуло пистолета.

– Знаешь, зачем тебя привезли сюда? Чтобы ты, собака, перед тем как сдохнуть, узнал, от кого и за что примешь смерть. Да не верещи ты, ублюдок. Что, страшно тебе? Сколько народу сгубил, а все за свою жизнишку поганую цепляешься.

– Шатун, прости, это случайно вышло, несчастный случай. Пощади! Служить тебе буду, как верный пес. Я многое знаю, ты не пожалеешь. Всех к ногтю прижмем. Ха-ха! Ботинки тебе будут лизать.

Он вдруг завопил визгливым, тонким голосом, брызгая слюной:

– Дай мне шанс, Шатун! Дай мне шанс!

Шатун замер. Рука с пистолетом медленно опустилась и бессильно повисла вдоль тела. В этом мрачном, разоренном остове обветшавшего здания, где пахло затхлостью, насилием и смертью, где немислимо было какое-либо светлое воспоминание, он вдруг явственно увидел себя четырнадцатилетним подростком, а рядом был Саня. Они вдвоем сидели в лодке. Вадим греб, Саня тянул блесну, отвернувшись и глядя за корму. Ветер трепал его белесые волосы, и удивительно – даже со спины, в посадке головы и ладном развороте мальчишеских плеч было что-то необыкновенно доброе и хорошее.

Именно тогда Вадим спросил его: «Сань, почему ты всем помогаешь? Мне отец все время твердит: «Люди неблагодарны. Сделаешь им добро, а они сразу наглеют, считают тебя лохом и

над тобой же стремятся взять верх». – «Наверно, твой отец общается с дурными людьми. У нас люди добро понимают. Я тебе вот что скажу: если человек неблагодарен и отплатил тебе злом на добро – не жалея. Ты дал ему шанс, а как он им воспользовался – его дело. А ты поступил правильно, – ведь могло быть и по-другому».

– Не убивай! – захлебывался лысый. – Дай мне шанс, Шатун!

– Ладно, живи пока, – сказал Шатун и пошел к лестнице, переступая блестящими ботинками груды мусора и щебня.

Когда он заворачивал за угол к лестничному проему, что-то заставило его обернуться, может, присущая ему вечная подозрительность, а может, желание еще раз взглянуть помилованному в глаза. Тот смотрел ему в спину ненавидящим взглядом с грязной циничной ухмылкой на мокрых губах.

Шатун вернулся и выстрелил ему в голову.

Он спустился во двор, где его дожидались большой серебристый «мерседес» и два черных джипа в окружении молчаливых телохранителей.

– Увезите подальше в лес и закопайте. Пусть его никогда не найдут, – спокойно распорядился Шатун.

Он сел в машину и в сопровождении одного из джипов поехал домой. Игорь, начальник его охраны, остался с командой из четырех человек выполнять поручение хозяина.

«Мерседес» вырулил на МКАД и понесся по автостраде, оживленной даже в столь ранний час.

Вадим Петрович Березин, он же Шатун, откинулся на сиденье и закрыл глаза. Он ничего не чувствовал, ни облегчения, ни удовлетворения от сознания выполненного долга, ни жалости к поверженному врагу. Он давно уже ничего не чувствовал. Даже то обстоятельство, что он собственноручно привел в исполнение приговор, который сам же вынес убийце своей матери много лет назад, не пробудило в его душе никаких чувств, не заставило быстрее биться сердце; он просто отгородил от света тяжелыми веками опустошенные уставшие глаза и задремал.

Вадим Березин был богатым человеком. Его покойный папаша – влиятельный партийный номенклатурщик – погряз с головой в коррупции, особенно в последние годы брежневского правления, что незаметно привело его к зависимости от криминальных структур. В начале девяностых он, как и многие предприимчивые дельцы, стремительно разбогател, ловко распорядившись своими средствами, и еще при жизни, отойдя от дел по состоянию здоровья, передал единственному сыну огромное наследство в виде процветающего банка, сети ресторанов и магазинов. Вдобавок к тому бесконечные разборки с криминалитетом, периодически предъявлявшим права на какие-то доли, деньги, акции, а также неуплаченные старые долги.

О Березине ходили темные слухи: характер он, дескать, имел неудобный, в переговоры с бандитами никогда не вступал и ненавидел их лютой ненавистью. Говорили, что он умен и хитер, как дьявол, что способен измыслить такую каверзу, чтобы самому сухим выйти из воды, тогда как посягнувшие на его спокойствие либо пропадали без следа, либо кончали жизнь самоубийством, а то и становились жертвами дорожно-транспортного происшествия. Впрочем, все это были досужие домыслы. Наверняка никто ничего не знал, а у страха, как известно, глаза велики.

Свое медвежье прозвище Березин заработал еще при жизни отца, уже в то время имея репутацию человека опасного и непредсказуемого. Кто-то в шутку называл его медведем, все сразу же согласилось, что он не просто медведь, а медведь-шатун, поскольку раздражителен, замкнут и никогда не спит – под последней характеристикой подразумевалась его удивительная способность чувствовать опасность за версту. Обмануть, провести, застать Вадима врасплох было невозможно, зато сам он настолько тщательно продумывал свои операции, что провал был исключен изначально.

Он и вправду был похож на медведя: все в его облике было тяжеловесно, значительно, массивно-крупная голова, глубоко и близко посаженные глаза, выдающийся нос и твердый подбородок. К тому же при очень высоком росте он имел могучее телосложение, хотя, благодаря физическим упражнениям, был строен и подтянут.

Шатун был нелюдим, вспыльчив, несмотря на разностороннюю образованность, в обществе нередко вел себя грубо и неучтиво, но из-за того, что его боялись, да и считались ввиду внушительного богатства, обиженные им люди предпочитали делать вид, что добродушно посмеиваются над причудами своеобразного человека.

Имея в своем окружении компаньонов, адвокатов, приятелей, всевозможных доброжелателей и подхалимов, он, однако, не доверял никому. О скрытой стороне жизни Березина знали только его телохранители во главе с Игорем – лучшие профессионалы, каких можно было сыскать в Москве. Служили они ему верой и правдой за большие деньги и, конечно, побаивались и уважали за острый аналитический ум.

Уже совсем рассвело, когда автомобиль Березина свернул на загородное шоссе. Машин как всегда, было невпроворот, пришлось тащиться черепашим шагом. Вадим чувствовал, что проголодался, этого было вполне достаточно, чтобы прийти в дурное расположение духа. Наконец затор рассосался, еще несколько поворотов, и впереди показалась высокая кирпичная ограда особняка с камерами наблюдения.

В подмосковном поселке семья Березиных поселилась десять лет назад. После смерти отца особняк перешел к Вадиму, с тех пор время от времени достраивался, расширялся, изменялся в соответствии с новыми веяниями моды, пока не превратился в грандиозное трехэтажное сооружение с бесчисленным количеством комнат, ванн, туалетов, сауной, тренажерным залом; на приусадебном участке – бассейн с подогревом, теннисный корт, фонтаны, беседки и, что самое важное, ухоженный, искусно разбитый сад – место наиболее любимое хозяином особняка.

Вадим поднялся по мраморной лестнице на второй этаж, вошел в белую, словно яблоневый цвет, спальню, с белой мебелью, с тончайшими, как паутина, занавесками, где в великолепной кружевной постели, разметавшись среди взбитых подушек, спала, сверкая белизной кожи, не менее великолепная молодая женщина с соответствующим именем Светлана – очаровательная картина, приют неги и наслаждения для любимого, когда он, уставший от ответственных мужских дел, возвращается домой.

Вадим остановился у кровати, хмуро созерцая спящую, наливаясь, неизвестно с чего, раздражением, затем довольно бесцеремонно ее разбудил.

– Света, проснись, – скомандовал он.

Она сразу же открыла глаза.

– Распорядись насчет завтрака. Есть хочу. Пусть подадут прямо сюда. Я пока в душ.

За завтраком Светлана много говорила, в основном пересказывала светские сплетни. Вадим не слушал, жадно поглощая еду, при этом и не думал, просто сосредоточился на приеме пищи.

– Ты наняла новую кухарку? – спросил он, пережевывая нечто непонятное, но очень вкусное.

– Как, ты не знаешь? Дело в том, что некоторые наши соседи завели филиппинок. Они считаются лучшими горничными в мире. Я поручила Роману раздобыть и для нас филиппинку. Представь, вместо этого он нашел китайку. Недавно я выяснила, что она прекрасно готовит китайские блюда. Поэтому иногда я прошу ее сотворить на кухне что-нибудь этакое.

– Китайка? Красивая?

– Ах, о чем ты говоришь! Что китайки, что филиппинки – все на одно лицо. Маленькие, юркие, зато их никогда не видно. Очень удобно.

– Да, действительно, – рассеянно согласился Вадим и сразу же забыл, о чем они говорили.

– Мне надо бежать, – заторопилась Светлана. – В девять у меня массаж.

– А потом куда? – спросил он, просто, чтобы что-то сказать.

– Прогуляемся с Викой по магазинам, потом надо успеть в салон, а вечером – аукцион. Ты не пойдешь?

Она то появлялась, то исчезала в дверях. За ней шлейфом тянулся аромат дорогих духов. Он пил кофе и равнодушно следил за ее передвижениями. «Интересно, где его носило всю ночь», – думала Светлана, исподтишка оглядывая Вадима. Он был очень хорош в просторном махровом халате, с мокрыми волосами, темными прядками, спадающими на лоб. От него исходила грубая мужская сила, которая притягивала к нему женщин, как мотыльков к огню.

С самого начала их отношений он раз и навсегда пресек все ее попытки контролировать его жизнь вне дома. Светлана всерьез опасалась его крутого нрава и потому не осмеливалась перечить. Хотя он не так уж часто отсутствовал по ночам, в глубине души она была уверена, что Вадим ей изменяет, как изменяли почти все любовники и мужья обительниц богатых особняков, однако разузнать что-либо о его ночных похождениях ей не удавалось. Вадим о своих делах не рассказывал, был молчалив, и она привыкла довольствоваться ролью любовницы, но не подруги. Официально они женаты не были, четыре года жили вместе в гражданском браке, и было совсем не похоже, что он когда-нибудь сделает ей предложение. Особой его любви Светлана к себе не чувствовала, хотя Вадим был хорошим любовником и в первые годы их связи даже проявлял к ней умеренную нежность, но в последнее время заметно поостыл, и она, опасаясь быть брошенной, как большинство не состоявших в официальном браке подруг, откладывала на черный день часть денег, которые он давал на карманные расходы, а деньги были немалые. Вадим был щедр и ее трат не считал. Чтобы привязать его к себе, она пришла к неоригинальному выводу, что надо родить от него ребенка, но, как на грех, никак не могла забеременеть. Первые три года она предохранялась. Тогда ей хотелось в полной мере насладиться неожиданно свалившимся на нее богатством и роскошью, элитными ресторанами, дорогими автомобилями, модными тусовками, фирменными магазинами, зарубежными поездками, и так до бесконечности. Однако, сообразив, что всего этого можно лишиться в одночасье, она нанесла ряд визитов светилам медицинской науки, но результатов так и не последовало.

– Ну все, пока. Буду тебе звонить, – сказала она, чмокая его в благоухающую туалетной водой щеку. – Ты где будешь, в банке или в офисе?

– Пока не знаю. – Он потянулся. – Может, посплю немного.

«Узнать бы, с кем он шашни крутит, и выдрать этой дряни все волосы», – подумала Светлана с неожиданной мстительной злобой.

Она села в машину и уехала. Вадим, захватив телефон, вышел, как был, в халате и тапочках, в сад. Было немного прохладно, но он любил утреннюю свежесть и тишину своего сада, росу на аккуратно подстриженной траве, полураскрытые головки цветов на клумбах, тихий шелест фонтана перед парадным входом.

«Странно, что Игорь не звонит, – подумал он. – Что они там копаются?»

Он поймал себя на мысли, что слово «копаются» в данной ситуации приобретает двоякий смысл.

Вадим остановился у розовых кустов. Поперек дорожки лежали забытые садовые грабли. Он посмотрел по сторонам, отыскивая взглядом садовника, чтобы сделать замечание за беспорядок, но никого не увидел. В эту минуту мобильник в кармане разразился увертюрой к опере «Кармен».

– Куда ты пропал? – недовольно сказал в трубку Вадим. – Как у вас, все в порядке?

– Да вроде все нормально, Вадим Петрович, только... – Игорь замялся.

– Что? Говори, – в низком голосе Березина послышались сердитые нотки.

– Понимаете, мужик тут один по лесу шатался, ну и видел, что ему не положено. Человек, по всему видать, случайный, так что решайте, что с ним теперь делать.

Вадим досадливо нахмурился: он взял себе за правило невинных людей не трогать и парням своим запретил строго-настрого. Потому и ждал сейчас его слова Игорь.

– Что ж он, бедолага, делал в такую рань в лесу? Грибник, что ли? – Вадим говорил, а сам обдумывал, как устранить нежелательное осложнение.

– Нет, не грибник, – ответил Игорь. – Он записывал пение птиц.

В эфире зависло потрескивающее молчание.

– Алло, алло, Вадим Петрович! Вы почему молчите?

– Что он делал? – медленно переспросил Вадим.

– Он записывал голоса птиц, – тихо и почтительно повторил Игорь. Березин никогда не задавал одного и того же вопроса дважды, и у Игоря по спине невольно поползли мурашки. – Он ученый, – добавил он в немой телефон, – этот... как его... орниколог.

– Орнитолог, грамотей, – невыразительно поправил Вадим. Потом спросил, почему-то волнуясь: – А как его зовут? Документы есть?

– Сейчас посмотрю. Нам с ним трудно пришлось. Мужик крепкий попался, тренированный, впятером еле скрутили. Осатанел, можно сказать, – обиделся, что мы разбили его аппаратуру. – Игорь явно развеселился. – Ага, вот паспорт. Никитин Александр Юрьевич, – старательно прочел он.

Вадим все-таки споткнулся о грабли. Телефон выскользнул из внезапно вспотевшей руки и упал в кусты роз.

– Проклятье! Убью сукина сына! – зарычал Вадим и заметался по клумбе, пытаясь нашарить пропавший мобильник.

Окажись нерадивый садовник где-нибудь поблизости, ему было бы несдобровать.

– Не понял вас, – донесся голос Игоря из кустов.

– Замри на месте! – не помня себя закричал Вадим, ползая по газону.

Охранники, увидев хозяина в невообразимой для него позе, встревожились и кинулись на помощь.

– Оставьте меня! – поднимаясь, заорал Вадим, потом на той же ноте в трубку: – Немедленно вези его ко мне! Слышишь? И чтобы ни один волосок, ни один!.. Ты меня понял?

– Да, Вадим Петрович. Мы сейчас же выезжаем, – заверил Игорь, уже струхнув не на шутку.

Вадим почти бегом устремился в дом. Взлетев на второй этаж, он толкнулся в одну дверь, потом в другую, не в состоянии вспомнить, куда и зачем шел. Обрывки мыслей, как яркие вспышки, мелькали в мозгу:

«Саня! Жив! Как же такое может быть? А если это однофамилец? Нет, таких совпадений не бывает».

Он вдруг застыл на месте, пораженный страшной догадкой: «Отец! Конечно, это он. Ему ничего не стоило подделать извещение о смерти. Какой же я идиот, жалкий глупец! Мне давно следовало догадаться!»

В смятенной памяти всплыло участливое лицо отца, прозвучал его исполненный боли и сочувствия голос: «Смирись, сынок. Это его право и его выбор. Никто не гнал Саню в Афганистан. Он сам решил свою судьбу и погиб, как герой».

Вадим застонал, прижавшись лбом к стене:

– Пятнадцать лет! Как-то он встретит меня теперь? Может, не захочет со мной разговаривать. Или будет обращаться ко мне на «вы»?

От этой мысли ему стало до смерти нехорошо.

– А вдруг это все-таки не он?

Вадим снова взялся за телефон.

- Игорь, посмотри, какого он года рождения.
- Шестьдесят пятого.
- Где родился?
- Поселок Свирица, Ленинградской области.
- А как выглядит?
- Очень светлый, глаза синие, рост примерно сто восемьдесят.

Вадим передохнул.

- Хорошо, где вы сейчас?
- Выезжаем на кольцевую.

– Ты смотри там, без лихачества. Машину не гони, понял? Головой мне за него отвечаешь.

Он переоделся в свободные брюки и рубашку, вышел к воротам и принялся в нетерпении расхаживать вдоль ограды, мучаясь оттого, что надо ждать. Охранники, привыкшие не выражать эмоций, обменивались удивленными взглядами: Березин часто гневался, сотрясая воздух раскатами своего густого голоса, либо говорил сухо и кратко, если был спокоен; в хорошем настроении мог даже перекинуться парой шуток со своими служащими, но никогда еще, ни при каких обстоятельствах, не выказывал волнения.

Часть первая

Банальная история

Глава 1

Вадим спал на чердаке, зарывшись лицом в душистое сено, и никак не мог проснуться. На заре прокричал петух, и сразу же откуда-то издалека, с другой стороны канала, донесся ответный клич. Прямо под сеновалом, в теплом хлеву, шумно фыркала и переступала копытами корова Рябушка. Вадим слышал сквозь сон, как заскрипели дверные петли, мягко звякнули подошвы. Бабушка ласково говорила с Рябушкой, словно ручей журчал. Корова уже не топталась, а стояла смирно. Днище ведра гулко пело под тугими струями молока. Вадим снова уснул под эти мерные звуки и спал крепко, без сновидений, пока неугомонный петух не вздумал заново прочистить свое луженое горло.

Вадим перекатился к маленькой чердачной дверце и высунул наружу взлохмаченную голову с застрявшими в волосах желтыми соломинками. Бабушка, помахивая гибкой хвостиком, гнала Рябушку со двора сквозь белый пар, наплывающий с болот. Они были чем-то похожи друг на друга – обе степенные, дородные, крутобокие. Рябушка – черная со светлыми подпалинами, на бабушке – темное длинное платье, поверх синяя кофта, на голове – белая, в крапинку ситцевая косынка.

Вадим снова завалился в сено, сладко пожимаясь и бездумно глядя в потолок.

Когда он проснулся в третий раз, из маленьких отверстий в крыше струились прямые лучики солнца, высвечивая золотом разбросанное по чердаку сено. В лучиках кружились и плавали мириады светящихся пылинок.

Вадим распахнул дверцу чердака и сел, свесив ноги, озирая двор и огород. Бабушка шла от реки с ведром воды.

– А, проснулось, дитятко, – сказала она, – давай-ка иди молочка попей. Мать уже давно встала, тебя дожидается.

Вадим спустился по приставной деревянной лестнице, пробежал босыми ногами по влажной траве на теплое сухое крыльцо и, с трудом отворив тяжелую дверь, очутился в просторной горнице с дощатым полом и русской беленой печью в углу. У входа, на стене, висел эмалированный рукомойник, под ним – лавка с ведром и тазиками. Мать сидела за столом у окна. Перед ней стояла крынка, доверху налитая парным молоком. Рядом лежал батон белого хлеба. Вадим потянулся к банке с черничным вареньем.

– Подожди, не начинай со сладкого, – предупредила мама, – иди умойся, пока мы с бабушкой накроем на стол.

– Мам, не хочу, и руки у меня чистые, – скороговоркой выпалил Вадим, густо намазал вареньем ломоть хлеба, отпил молока прямо из крынки и вприпрыжку побежал к двери. – Пойду погуляю, – бросил он от порога с набитым ртом.

– Далеко не уходи и не смей купаться! Вадим, ты меня слышишь? Смотри, будешь самовольничать, завтра же уедем обратно в Ленинград.

– Хорошо, не буду, – донеслось со двора.

– Лариса, куда ты его отпустила без завтрака? – сказала бабушка, входя из сеней. – Мальчонка худой, как жердь, кожа да кости. И ростом не вышел, не пойму в кого. Петя у тебя богатырь, и сама ты видная, статная. Не кормите вы его, что ли?

– Так ведь не ест ничего. Я с ним совсем измучилась.

– Говорю тебе, – оставь его мне на все лето, осенью не узнаешь. Станет как яблочко наливное на свежем воздухе, да на пирогах с молоком.

– Что ты, мама! Петя не позволит. Я бы с радостью – сама вижу, как он здесь ожил. В городе он из дому не выходит, с ребятами не дружит, в школе у него тоже нелады – обижают его мальчишки, недомерком дразнят. Он мне сам рассказывал.

– Ох, Ларочка, неправильно вы сына воспитываете, все дома держите, трясетесь над ним, а ему надо во дворе с мальчишками мяч гонять, может, когда и побитый придет, все польза будет. А он у вас пришибленный какой-то, застенчивый больно, необщительный, глядит подикому, чисто звереныш лесной.

– Мама, ты же знаешь Петю. Он считает, что улица дурно влияет на ребенка. Спорить с ним я не смею. Он и на работе начальник и дома командир. Вот и сейчас, уж сколько я его просила – нет, и все тут, всего десять дней разрешил у вас погостить. Он в мальчике души не чает, но держит в строгости и от себя надолго не хочет отпускать. А дома что: опять за книгами будет сидеть, да за пианино ненавистным. Выдумал Петя пытку для ребенка. В школу пешком ходить не разрешает, на служебной машине его возим. Мальчик стесняется, выйдет из машины, голову свесит, сумка за ним чуть не по земле волочится, идет по школьному двору, по сторонам старается не глядеть. У меня каждый раз сердце разрывается, а сделать ничего не могу.

– Жаль, что у тебя не получилось со вторым ребенком. Лечилась бы вовремя, может, сейчас бы у Вади братик был или сестра. И Петя не мучил бы сына чрезмерным вниманием. Пойду покличу, голодный ведь убежал, – удрученно вздохнула бабушка. – Ах ты, господи, что ж за напасть такая!

– Вадя, сыночка, ты где? – позвала она с крыльца.

– Здесь я, на огороде. Ба, можно я морковки подержаю?

– Ну смотри, недолго, и к реке один не ходи.

Бабушка скрылась в доме, и Вадим сразу побежал к реке. Впервые его переполняло головокружительное чувство свободы. В Свирице все казалось ему волшебным, радостным и близким, словно он провел здесь всю жизнь.

Бабушкин дом стоял у основания длинного полуострова, там где Новолодожский канал впадал в Свирь. Перед домом – канал, а сразу за огородом песчаный берег Свири. Река разливалась здесь широко, течение было спокойным, величавым; на дальнем противоположном берегу ровной полосой темнел лес.

Вадим закатал штанины брюк выше колен и вошел в реку. Дно у берега было совсем мелким, песок под водой лежал тонкими полукружьями, словно отражением речных волн. Вокруг сразу засуетились серебристые лупоглазые мальки. Они вставали вертикально, хвостами вверх, и обследовали его ноги сверху донизу. Рядом, на суше, лежала старая перевернутая дедушкина лодка с обшарпанными боками.

Вадим прошлепал по воде вдоль берега, миновал лодку, покосившийся деревянный забор огорода, ржавый остов затонувшей баржи, прибившиеся к берегу толстые бревна, утеранные при лесосплаве, и вышел к поросшему низкими кустами болоту.

Утро было солнечное, ясное, оттого болото казалось приветливым и безмятежным. Вадим развлекался, перепрыгивая с кочки на кочку. Ему было весело и жутко.

Кочки мягко пружинили под ногами, кое-где проступала вода, заросшая ряской, из-под ног выскакивали лягушки.

Он снова прыгнул, но то, что он принял за кочку, оказалось пучком травы, торчащей из вязкой жижи, и Вадим сразу провалился по пояс. Он вскрикнул от неожиданности, попробовал выбраться, но с ужасом почувствовал, что трясина не пускает, засасывает его все глубже и глубже. Мальчик забился в липкой, черной грязи, неистово отыскивая руками опору.

– Помогите! – отчаянно закричал он, повинувшись своему бесконтрольному страху.

Кругом царило безмолвие, нарушаемое лишь кваканьем лягушек. Вадим чувствовал, что гибнет. Неведомая сила, грозная и беспощадная, тянула его вниз, в темноту.

Происходящее казалось ему кошмарным сновидением, только проснуться никак не удалось. Все его существо восставало против такого грубого, несправедливого и безжалостного насилия.

– Помогите! – снова закричал Вадим что было сил и заплакал. – Мама, мамочка!

Прямо перед ним из-за кочки высунулась светлая вихрастая голова с веснушчатым носом и веселыми синими глазами.

– Заткнись, дурак, – сказала голова, – и не трепыхайся, а то еще больше увязнешь. На вот, хватайся за ветку.

Вадим судорожно уцепился за толстую березовую ветвь, и только тогда к нему вернулась способность соображать.

– Ну, чего виснешь, как дохлая рыба на крючке? Давай, подтягивайся. Да не елозь ты, не елозь. Вот так, молодчина! Давай сюда пять. Ничего, брат, я тебя вытащу, – обнадежил незнакомец, подкрепляя свои слова немалыми усилиями.

Вадим еще барахтался и скользил ногами, когда тот подтянул его к себе и одним рывком вытащил на относительно твердую почву.

– Что, испугался? И правильно сделал. Какого рожна тебя сюда понесло? Ты посиди пока, отдышись, потом будем вместе выбираться.

Вадим, все еще всхлипывая, размазывал кулаком по щекам слезы и грязь. Спаситель снял с себя перепачканную майку и вытер чистым концом мальчику лицо.

– Не кисни, – сказал он, – мужчины не плачут. Тебе сколько лет?

– Четырнадцать, – промямлил Вадим, тоскливо ожидая привычного неодобрительного удивления.

– Здорово, – ободряюще сказал паренек, – и мне четырнадцать. А звать как?

– Вадимом.

– Вадик, значит?

– Не-е, Вадим. – Он терпеть не мог уменьшительного имени. – А тебя?

– А я – Саня, – ответил тот, внимательно разглядывая тщедушного мальчика. – Ладно, Вадим так Вадим, – согласился он и с тех пор никогда иначе его не называл.

Сам Саня был складным, крепким парнишкой, с сильными загорелыми руками и ногами. У него были очень светлые, почти белые волосы, ресницы и брови чуть темнее, большой улыбчивый рот – губы сплошь в цыпках и трещинках; нос как нос – не большой, не маленький, неопределенной формы, а глаза – неправдоподобно синие, яркие, словно две лучистые звездочки.

– Ты к бабушке Дусе приехал, вчера, из Ленинграда, верно? – все так же дружелюбно спросил Саня.

– Откуда ты знаешь? – удивился Вадим.

– У нас новости быстро расходятся. А я от вас через несколько домов живу, совсем близко. – Он поднялся. – Все, вставай, пошли уже, ступай за мной след в след, а то опять сковырнешься.

Они вышли к реке. Саня сказал:

– Скидывай свою амуницию, будем жижу отстирывать, а то мамка заругает.

Одежду выстирали и разложили сушиться на прогретой корме баржи, торчащей из воды. Потом выкупались у берега в голубой прозрачной воде и сели обсыхать на песок. Было тепло и безветренно. На недвижной поверхности реки дрожал огненными бликами солнечный свет. Полуденный лес на другом берегу подернулся знойной дымкой, зыбился и струился в неверном горячем мареве.

– Ты в школе какой предмет больше всего любишь? – спросил Саня.

– Математику и физику, а ты?
– Я биологию люблю и химию, еще литературу.
– Книги я тоже читать люблю, только не романы всякие душещипательные, а фантастику и приключения.

– Да ну! – обрадовался Саня. – Айзека Азимова читал?
– Читал – «Конец вечности». Еще я Кларка люблю, Стругацких, Ефремова. Да всех не перечесать.

Они разговорились, увлеченно обмениваясь впечатлениями о прочитанном, не замечая, как летит время, что-то неожиданно вспоминая и перебивая друг друга.

– Сходим вместе в библиотеку? Посоветуешь, что взять почитать, – предложил Саня.

Вадим уже смотрел на него с обожанием. Впервые он был кому-то интересен, причем не взрослому и не родственнику, а мальчику одного с ним возраста, да еще такому сильному, такому классному, поверить невозможно! Он не насмехался над Вадимом, не дразнил, слушал его серьезно и даже спрашивал совета.

– Сань, а что ты делал на болоте? – осмелился спросить Вадим.

– Пичугу одну высматривал. Она поет хорошо. Я люблю слушать, как птицы поют.

Вадим встрепенулся:

– У меня дома тоже птичка есть – зеленушка. Она в клетке сидит и очень красиво поет. Мне ее папа купил.

На этот раз Саня его не одобрил.

– Нет, – покачал он головой, – птицу в клетке держать нельзя.

– Почему? – удивился Вадим. – Многие держат.

– Глупые, потому и держат, – убежденно сказал Саня. – Лесной певец в лесу должен петь. Птицы ведь тоже по-разному поют. На воле она жизни своей маленькой радуется, солнцу красному. А что она тебе в клетке споет? Ты ее тоску, тревогу слышишь каждый день. Разве это хорошо?

– Нет, плохо, – пролепетал Вадим, чувствуя себя преступником.

– Ты подумай, к примеру, – продолжал Саня, – сможет тебе папа купить закат солнца? Или вон, смотри, – рыба плещется, словно в серебре. Не сможет. Вот так и это. Природы руками не ухватить. Ты понимаешь, о чем я?

– Понимаю, – усиленно закивал Вадим. – Я как приеду домой, сразу птицу выпущу.

– Правильно, отвези подальше в лес и выпусти. Пусть себе радуется.

– Вади-им, – донесся издали голос бабушки, – ты где?

– Я на берегу, ба!

– Сиди тут, я сбегая – скажу, что ты со мной, – вскочил Саня. – Надо подождать, пока твоя одежда высохнет. Не стоит им говорить, что ты тонул, напугаем только.

Бабушка Дуся, – позвал он, появляясь в поле зрения Евдокии Федоровны, – мы с Вадимом здесь, на берегу, загораем.

– Саня, ты, что ль? Вот славно! Ты уж за ним присмотри, золотко, а то, может, уговоришь его прийти поесть. Он у нас не ест ничего, отощал совсем. И сам с ним приходи.

– Не, баб Дусь, я не приду. Спасибо. Но за него возьмусь. Вы не беспокойтесь.

Саня вернулся к Вадиму и сказал:

– Бабушка говорит, ты плохо ешь?

– А что? – сразу насупился Вадим.

– Как это «что»? Я тебя завтра с собой на рыбалку хочу взять, а перед рыбалкой надо весь день хорошо есть, а то начнешь животом урчать и всю рыбу распугаешь.

– На рыбалку?! – глаза у Вадима засияли предчувствием невероятного счастья. – Ты, правда, меня возьмешь? – Он вдруг забеспокоился: – А я рыбу ловить не умею.

– Это дело нехитрое, научу. Сейчас иди пообедай, а потом пойдем червей копать.

Вадим живо оделся. Рубашка и брюки были еще влажными, но выглядели сухими. Саня сказал:

– Ты часика через два подходи к нашему дому. Видишь, вон тот, с белым забором. Запомнил?

Еще бы не запомнить! Вадим смотрел вслед Сане, как тот идет по мосткам вдоль канала, мимо похожих друг на друга уютных изб, сложенных из толстых бревен, огороженных частоколом, – у каждого забора скамеечка под сенью тополей и берез, – и думал, что Свирица – самое восхитительное место в мире.

Глава 2

Дома Вадим набросился на еду с таким аппетитом, что Лариса поразилась:

– Что за чудеса! Будто подменили ребенка. Вадинька, осторожно, щи очень горячие.

– Мам, я с мальчиком одним познакомился, – возбужденно говорил Вадим, энергично орудуя ложкой и закусывая горбушкой черного хлеба. – Его Саней зовут. Завтра мы с ним на рыбалку идем.

– А это не опасно? – осторожно спросила мама. – Не дай бог, в воду упадешь.

– Не беспокойся, Ларочка, – вмешалась бабушка, – с Саней его куда угодно можно отпустить. Парнишка – чистое золото. Марфушке, страдалице, хоть с внуком повезло. Дочка ее, Женя, родами померла, сразу после того, как Саней разрешилась, а отец его, Юрка, с горя запил, а через год и вовсе спился. Так по пьянке и пропал человек. Они тогда с Ванькой Лыковым за язем на Ладожское озеро поплыли. На озере ветер, шторм, а им все трын-трава, потому как пьяные оба были. Так вместе и утопи. Саня круглым сироткой остался. Марфушке мы всем миром помогали мальчика растить – он и вырос всем на радость. Марфа с ним горя не знает. Он ей сызмальства по дому помогает. Утром выйду к каналу за водой, а он уж с ведрами бежит. В магазин ходит, в покос один управляет; если кому подсобить надо – мимо не пройдет. Как соберется за покупками, никогда не поленится, прибежит и спросит: «Баба Дуся, вам что из магазина принести?»

– Так это Женин сын? – горестно воскликнула Лариса. – Я его совсем маленьким видела. Бедный ребенок. Женя такая красивая была, добрая. Как жестоко обошлась с ней судьба!

– Да, не пришлось ей на сыночка порадоваться. Он и учится хорошо. Ребята его уважают, и старшие и младшие, в классе старостой выбрали. Повезло нашему Ваде, что Саня его привечает. С ним не пропадешь. Ты кушай, кушай, стынет все.

Вадим словно окаменел, не донеся ложку до рта, и щи капали с ложки в тарелку. То, что Саня был сиротой, поразило его в самое сердце.

Из спальни, кряхтя и отдуваясь, выбрался дед, Николай Лукич. Он был старше бабушки почти на двадцать лет – ей было под семьдесят, а ему уже под девяносто. Очень старый и грузный, он почти не вставал с постели, выходил только к столу, да иногда сидел на крыльце, дышал воздухом. Кроме Ларисы у них с бабушкой было еще две дочери, все жили в разных городах и по очереди наезжали к родителям. Дед был человеком властным и строгим, но к внукам относился с нежностью, особенно к Вадиму, единственному мальчику в роду.

– Это что такое? – загудел он зычным голосом бывшего начальника речного пароходства. – Замордовали парня. Чуть что – у него глаза на мокром месте. Вот оно, ваше бабье воспитание.

– Я о Сане рассказывала, он и закручинился, сердешный, – пояснила бабушка.

– А вот Саня реветь не станет. Хлопчик правильный, мал еще, а уже мужчина. А ну, сопли утри и щи доедай, а то он в твою сторону и не посмотрит.

Вадим торопливо расправился с первым, потом со вторым под преувеличенные похвалы взрослых.

– Деда, можно я твою удочку возьму? Мы завтра с Саней рыбалить пойдем.

– Бери, конечно. Посмотри там, в сарае. У меня все есть – удочки, сачок, блесна. Бери, что хочешь.

Со снастью Вадим решил разобраться позже. Сначала надо было сходить за Саней, как договорились. Бабушка поставила на стол тарелку, в которой горкой высились пирожки с картошкой.

– Съешь еще пирожок и иди, – сказала она.

– Ба, дашь пирожков, я Сане отнесу?

– Я-то дам, только он не возьмет. Гордый больно, все ему кажется, что его жалеют. А знаешь что, давай схитрим. Ты скажи, что я пирожки его бабушке послала, может, потом и он покушает.

Она завернула несколько пирожков в бумагу, и Вадим, захватив пакет, вышел на улицу. Он несмело пошел вдоль домов, опасаясь, что придет слишком рано. С Саней они расстались всего час назад, но ждать для Вадима было пыткой.

Навстречу двигалась ватага мальчишек. Впереди вразвалочку вышагивал долговязый патлатый подросток, с нагловатым лицом и маленькими шмыгающими глазками. Вадим почти достиг белого забора, когда мальчишки встали у него на пути.

– Вы только гляньте, – издевательским тоном затянул долговязый, обходя Вадима и насмешливо его оглядывая, – какие гости к нам пожаловали.

Мальчишки вокруг услужливо загоготали.

– А знают ли высокие гости, что здесь без спросу ходить нельзя? – продолжал глумиться их предводитель.

Вадим молчал, прижимая к груди сверток.

– Ты что, хиляк, язык проглотил? Отвечай, когда с тобой старшие разговаривают. Думаешь, если у тебя папаша богатый, можешь всем хамить и ходить, где вздумается?

Вадим с ужасом подумал, что и здесь все начинается сызнова. Отец его занимал высокий пост в горкоме партии, что нередко служило поводом для нападков на Вадима со стороны одноклассников.

– А ну, показывай, что ты там на пузе прячешь, – потребовал долговязый и протянул руку к свертку.

– Не твое дело, проваливай, откуда пришел, – уворачиваясь, буркнул Вадим.

– Ой, птенчик наш зачирикал, – пискливо пропел парень, снова вызвав угодливое одобрение свиты. – Давай сюда, не стесняйся, пока тебе по шее не наkostenяли, – он ударил рукой по свертку, и пирожки рассыпались по песку.

– Ах ты, падла! – выкрикнул Вадим и бросился на обидчика.

Кто-то проворно подставил ему ножку, он упал и оказался погребенным под грудой тел. Удары посыпались на него со всех сторон, мальчишки барахтались сверху и тузили его, мешая друг другу.

Внезапно все прекратилось. Вадим лежал на земле один, лицом вниз, закрыв локтями голову. Чьи-то сильные руки подхватили его и поставили на ноги. Саня стоял рядом и, сдвинув брови, молча обводил взглядом топтавшихся в круг драчунов. Те отворачивались с побитым видом и прятали глаза. Наконец один из них заговорил извиняющимся тоном:

– Сань, мы не виноваты. Это все Мишка, засранец, нас подначивает. Вовка, скажи, ведь так?

– Точно! Мишка всех задирает, а мы ничего такого не хотели.

– А что я? – заныл Мишка, съеживаясь и пятясь от Сани. – Я ж не знал. А он чего молчал? Я ему говорю, куда, мол, идешь. Сказал бы, что к тебе, разве бы его кто тронул?

Саня продолжал надвигаться на рослого Мишку, который был выше него на полголовы. Тот отступал к каналу, пока не оступился и, взмахнув руками, не бултыхнулся в воду.

– Я тебя предупреждал, – погрозил сверху Саня, когда голова Мишки показалась на поверхности. – Следующий раз одним купанием не отделаешься. Ладно, вояка, давай руку.

Он помог промокшему парню выбраться на берег, в то время как Мишкины верноподанные были заняты тем, что стряхивали с одежды Вадима песок и собирали пирожки, сдувая с них пылинки. Вадиму в руки снова вложили пакет, похлопали по плечам со словами «Не обижайся, братан, с кем не бывает» и, сбившись гурьбой, потрусили прочь.

– Пошли ко мне, – сказал Саня Вадиму, – надо ссадины йодом прижечь. Везет тебе сегодня!

В доме, где жил Саня, было три комнаты, очень чистые, с крашеными коричневой краской полами; всюду лежали длинные полосатые коврики, на столе поблескивал начищенной медью самовар. Большой серый кот, прогнув спину, когтил табуретку, но, завидев Саню, одним махом взлетел ему на плечо. Внутри у него включился громкий моторчик. Он боднул лобастой головой хозяина в щеку и заурчал с удвоенной силой.

– Будет тебе, Дымка, не видишь – гость у меня, – ласково сказал Саня, опуская его на пол.

У печи хлопотала сухонькая пожилая женщина.

– Бабуль, познакомься, это мой друг Вадим, – сказал Саня.

При слове «друг» у Вадима в груди стало горячо, а бабушка Марфа показалась доброй волшебницей из сказок.

– Ты чей же будешь? – спросила бабушка, близко вглядываясь Вадиму в лицо подслеповатыми глазами в бесчисленных лучиках морщин.

– Я – Евдокии Федоровны внук.

– Это что же, Ларочка, значит, приехала? Вот радость-то Дусе!

– Бабушка вам пирожков прислала, только они упали, грязные теперь, – уныло добавил Вадим.

– На него Мишка напал со своей компанией. Бабуль, йод давай, – сказал Саня.

– Ох, ироды окаянные. Одно озорство на уме. Вчера у Черновых все подсолнухи ободрали. У Мишки отец в городе на заработках – ремня шельмецу некому всыпать.

Мальчишки оставили обувь в сенцах и прошли по мягким половикам в комнату Сани.

– Ух ты, сколько книг! – восхитился Вадим. – У нас и то дома столько нет. «Природа мира», – прочел он, – «Певчие птицы СССР», «Живой мир островов». Ты все это читал?

– Конечно. Я когда вырасту, стану ученым – зоологом или орнитологом.

– А кто это?

– Это тот, кто птиц изучает. Я мечтаю записывать голоса птиц. Представляешь, захотелось тебе соловья послушать или жаворонка, как они поют по-настоящему, на свободе, купил пластинку – и наслаждайся.

– А где ты книги берешь?

– По почте выписываю. У нас библиотекарша очень хорошая, она мне помогает.

– Я тебе из Питера книг привезу, целый чемодан. Только... – Вадим снова погрузился, – может, отец мне не разрешит в другой раз скоро приехать. Он у меня строгий очень. Ну и пусть – я тогда сбегу.

– Не вертись, герой. Вот тут еще царапина. Не больно?

– Жжется сильно. Сань, а это кто, на фотографии?

– Мама моя. Правда, красивая?

– Очень! А ты на нее похож.

Вадим решил сменить тему.

– Сань, когда мы пойдем червей копать?

– Прямо сейчас и пойдем.

Вооружившись лопатой и круглой жестяной банкой, они пошли на огород.

– Тут их прорва, – сказал Саня, – я копну, а ты червя бери и в банку сажай.

Вадим с увлечением ковырялся в сырой почве. Взяв двумя пальцами красного дождевого червя, он смотрел, как тот извивается, потом клал его в наполненную землей банку.

– Сань, а черви – это животные?

– Конечно, беспозвоночные животные. Амеба и та – животное, только одноклеточное. Ого, целый клубок. Много брать не будем: черви полезные, они почву разрыхляют. А если меня спросить, – продолжал он, налегая на лопату, – то и среди людей есть одноклеточные. Взять хотя бы нашего Вовку. У него отец в прошлом году с заработков приехал и повез всю семью в Сочи на море отдыхать. Пробыли они там целый месяц. Только вернулись – я к Вовке.

«Ну, давай, – говорю, – рассказывай, какое оно, море». Я-то сам моря никогда не видел, в кино только. А он мне в ответ (Саня смешно изобразил глуповатую физиономию Вовки): «Нормальное море, что ему сделается? Воды много и вся соленая». Вот и весь сказ. И так во всем, о чем хочешь спроси, хоть чудо покажи, в ответ одно услышишь: «Норма-ально». Тьфу, – в сердцах сплюнул он, – и кто только это подлое слово придумал!

Ночью Вадим спал плохо, часто просыпался в страхе, что пропустит условный сигнал. Задолго до восхода солнца слышался тихий свист, и Вадим тотчас скатился по лестнице с чердака. У калитки белел силуэт Сани.

– Держи ведро и банку, а я удочки понесу, – сказал он громким шепотом.

– А зачем так рано идти? Может, рыба тоже еще спит.

– Как же, спит она! У нее и днем и ночью одна забота, как бы чего слопать. До свету самый клев. К тому же я тебе такое покажу, чего ты в городе у себя в жизни не увидишь.

В полной тиши они пошли по узкой песчаной косе. Впереди, на самом краю полуострова, высился темной твердью большой монумент, установленный в честь окончания строительства канала при царе Александре Втором. Канал поделил Свирицу на две части, отрезав длинный кусок суши. По вечерам влюбленные парочки сидели на постаменте памятника, над черной речной гладью, куда, оставив в небе ворсистый след, падали звезды, гляделся золотой месяц и тянул по воде искристое мерцание к очарованному берегу.

– На первый раз лодку брать не будем, – сказал Саня, – поудим здесь, с камней.

– Сань, ты за меня не беспокойся, я плавать умею. Меня мама в детстве в бассейн водила.

– Да что ты! – по-доброму усмехнулся Саня. – Река – это тебе не бассейн. Здесь купаться с опаской надо. По Свири лес сплавляют, – под водой топляки мотаются. Вдарит такое бревно, и дух из тебя вон. А еще баржи затонувшие есть, с войны лежат. У нас такие случаи бывали: нырнет мужик – и поминай как звали. Так что без меня купаться и думать забудь. Мне бабушка рассказывала: здесь бои шли жестокие – прямо в устье Свири морская пехота и корабли Ладужской военной флотилии сражались с гитлеровцами. Немцы хотели второе кольцо блокады создать, да ничего у них не вышло. Речники наши помогали морякам Дорогу жизни отстаивать, грузы перевозили под непрерывными бомбежками, себя не жалели. Мой дедушка был шкипером баржи. Тогда и погиб.

Они спустились по крутому зеленому скату и примостились на больших камнях под бережком. Вадим засмотрелся на реку.

– Сейчас и не скажешь, что здесь война была. Тишь да благодать. Я бы тоже врагов убивал не жалея. Взял бы автомат и тра-та-та-та – всех под корень! А ты?

– Я бы никого не хотел убивать. Лучше, чтобы никакой войны больше не было.

Мальчики размотали удочки.

– Глянь, чего делать надо, – объяснил Саня. – Берешь червя и старайся его так насадить, чтобы крючок не видно было, по самую леску. Рыба, хитрюга, запах железа чувствует, червя обнюхивает – и была такова.

Тьма нехотя расползалась, оставляя пепельные клочья. Тускло засветлело небо, вдали забрезжил спящий лес. Речная волна ласкалась о камни с тихим всплеском. Поплавки стояли неподвижно в глянцевой воде. Вадим смотрел на свой не мигая и думал, что там, в прохладной сумеречной глубине, скрывается своя, неведомая жизнь, которой нет до них с Саней никакого дела. Он не успел додумать какую-то важную мысль, потому что поплавок задрожал и дернулся вниз, отбросив на воду расходящиеся круги.

– Сань, а Сань, – выдохнул Вадим, – у меня вроде клюет.

– Подсекай, тяни! – крикнул Саня.

Вадим с натугой потянул вверх удилище. Из воды взметнулась плоская переливчатая рыба и забилась на крючке, как серебряный лист на ветру.

– Вадим, не зевай, подтягивай ее сюда, а то сорвется!

Саня поймал леску, снял рыбу с крючка и опустил в ведро.

– Знатный подлещик. Ай да ты! – похвалил он Вадима. – С первого раза такая рыбина.

Вадим припал к ведру, где плавал подлещик, разглядывал его и гладил рукой.

– Потом налюбуйшься. Бери удочку. Солнце встанет – рыба в тень уйдет.

Вадимом овладел веселый и буйный азарт. Он с трудом мог усидеть на месте, благо рыба клевала вовсю. Саня выхватил одну за другой две плотвички, похожие на вытянутые розовые жемчужины, и злого зубастого окуня с красными плавниками, Вадим – еще подлещика и несколько корюшек.

К востоку над горизонтом полоска неба зарделась нежным кармином, и заалели снизу облака. Саня оживился:

– А теперь гляди в оба. Это то, о чем я тебе говорил. Сейчас начнется.

Из-за леса медленно и неуклонно, затаенно теплясь однотонным густо-малиновым светом, сдерживая до поры могучий внутренний жар, поднималось солнце, такое огромное, что Вадим не поверил собственным глазам. По воде потянулось пурпурное сияние, разлилось по траве, верхушкам деревьев и вытеснило призрачный туман с болот.

Рыбалка была забыта. Конец удилища поник и утонул в реке. Мальчик встал – хрупкая, замороженная фигурка на фоне неоглядного солнечного диска.

– Такого не бывает, – ошеломленно произнес Вадим, переводя растерянный взгляд на Саню.

– Бывает, как видишь.

Саня с нескрываемой радостью заглядывал ему в лицо. Улыбка у него была хорошая, светлая. Глядя на него, самому хотелось улыбаться.

– Удочку-то возьми, утонет. Да у тебя никак рыба на крючке!

Они закатились хохотом, сообща вытаскивая из воды большую рыбу; тащили в несколько приемов, слабея и приседая от смеха, с трудом водворили ее в ведро и долго еще не могли успокоиться.

Глава 3

Потянулось волшебное лето. Утренние часы мальчишки проводили на реке, заплывая в лодке на самую середину. Иногда, встретив восход солнца, досыпали прямо в лодке, приткнувшись где-нибудь к берегу в камыши. В лесу токовали тетерева. Лодка мягко покачивалась, под досками в днище хлюпала вода. Они спали, пока солнце не начинало припекать голову, тогда возвращались, улов делили пополам и разносили по домам. Саня разделял рыбу и учил тому же Вадима. Они много купались, загорали, возились в огороде, ездили за сеном на другой берег Свири.

Неотвратимо приближался день отъезда. Вадим каждый вечер со слезами на глазах упрашивал мать оставить его в Свирице до конца лета, его поддерживали бабушка и дед, но Лариса была непреклонна. В такие минуты перед ее мысленным взором маячил гневный облик мужа, простершего к ней карающую десницу, и это воспоминание придавало ей сил для отпора сыну и родителям.

У Вадима еще оставалась слабая надежда, что дома, в Ленинграде, он сможет уговорить отца и вернуться к бабушке.

За день до отъезда Лариса достала из буфета коробку дефицитных московских конфет «Ассорти» и села под тополя у ограды ждать друзей – рыболовов. У нее болезненно сжалось сердце, когда она увидела, как они идут от реки, взявшись с двух сторон за дужку ведра, с удочками в руках, босые, растрепанные, счастливые – Вадим темноволосый, а Саня белый, как березка, у обоих рот до ушей. Она вспомнила свое детство и горько пожалела, что надо увозить сына в город.

Лариса встала навстречу мальчишкам с коробкой в руках.

– Мам, смотри, что я поймал! – издали закричал Вадим и поволок в одиночку ведро к ее ногам. – Шуренок, видишь? Я удочку закинул, а поплавок вдруг лег на бок и лежит. Саня думал – коряга. Мы стали тянуть, а под водой ка-ак заходило. Удилище погнулось, насилу вытащили. Саня его сачком подцепил. Классный шуренок, правда?

– Замечательный! – искренне восхитилась мама. – Сантиметров пятьдесят, не меньше. Расскажем папе, какую большую рыбу ты здесь ловил.

– Санечка, – сказала она, протягивая мальчику коробку, – я тебе очень признательна за внимание к Вадиму. Вот, поешь конфеток и бабушку угости.

Саня перестал улыбаться и отступил на шаг.

– Спасибо, не надо, – очень вежливо сказал он.

– Мам, зачем ты?.. – с испугом попытался остановить ее Вадим.

– Да ты не стесняйся, бери, – настаивала Лариса, – ты с ним столько возился! Не представляю, как еще можно тебя отблагодарить.

Саня, глядя в землю, осторожно обошел Ларису и быстро пошел к своему дому.

– Сань, а рыба... – упавшим голосом сказал ему вслед Вадим, но мальчик не обернулся.

Вадим похолодел. С чувством приговоренного к смерти он следил, как Саня скрывается в своем дворе.

– Что ты наделала?! – закричал он на мать рвущимся голосом и пнул ногой ведро. – Из-за тебя он больше не захочет со мной дружить.

Он бросился в дом, пробежал мимо бабушки и деда в спальню, упал на постель лицом в подушку и зарыдал так, словно у него разрывалось сердце. Бабушка всплеснула руками и попыталась его успокоить. Перепуганная Лариса гладила сына по голове и просила у него прощения. Все было напрасно. Ему казалось, что мир рушится, его мир, который вспыхнул ненадолго и вновь погас. Все проваливалось в темноту, в бездну, в беспробудное одиночество.

Дед, разобравшись в чем дело, взъярился:

– Сказано тебе было, Лариска, к Сане с подарками не лезть. И везде-то вы разводите свои бабские церемонии. Верно люди говорят: волос долог, да ум короткий. Нешто он за подношение с твоим сыном сдружился?

– Вадим! – послышался за окном голос Сани.

Панически боясь ошибиться, Вадим вскинул голову, прислушиваясь с отчаянной надеждой в глазах.

– Вадим! – снова позвал Саня.

Мальчик взлетел, бросился к рукомойнику, учащенно дыша и приплясывая от тягостного нетерпения, двумя пригоршнями воды ополоснул лицо, мазнул по нему полотенцем и вынесся вон.

– Боже мой, – прошептала Лариса, глядя на родителей расширенными глазами, – не палач же я собственному ребенку. Будь что будет – возьму удар на себя. Пусть остается до сентября. Петя будет рвать и метать, но все лучше, чем такое горе.

Саня стоял у изгороди, упершись грудью в деревянную перекладину.

– Ты почему ушел и дома засел? Я жду, жду... Ты обещал сегодня со мной в библиотеку сходить. Забыл?

– Я... я думал, ты обиделся, – придыхая и шмыгая носом, проговорил Вадим.

– Я не красна девица, чтоб обижаться. А ревел чего?

Вадим густо покраснел.

– С мамой поссорился, – выдавил он.

– С мамой ссориться негоже, – рассудительно сказал Саня. – Маму беречь надо. Она у тебя одна, единственная. – Он вздохнул.

У них над головой со стуком распахнулись створки окна, и бабушка ликующе провозгласила:

– Вадя, радость-то какая! Мама оставляет тебя здесь до сентября!

Лариса как раз вышла во двор. Вадим обхватил ее за талию, зарылся лицом ей в грудь.

– Мамочка, я тебя люблю! Прости, что я плохо себя вел. Ты лучше всех!

Она посмотрела на Саню, и они улыбнулись друг другу.

Глава 4

Миновал июль. Вадим заметно поздоровел и немного подрос. Щеки у него сделались розовыми; всегда диковатые карие глаза приобрели теплый золотистый оттенок, ноги и руки стали такими же крепкими и бронзовыми, как у Сани. Теперь он мог свободно разгуливать по поселку в любое время, бегал, когда бабушка просила, в магазин; по дороге, как полагалось, со всеми здоровался. Бабули на скамейках в ответ согласно кивали головами в платочках. Мальчишки, завидя Вадима, искали его общества. Авторитет Сани был так велик, что они полагали – раз Саня с кем-то дружит, значит, пацан этот чего-то стоит. Они часто пристраивались к Вадиму, провожали его в один или другой конец, расспрашивали о житье-бытье в Ленинграде.

Саня время от времени впадал в задумчивость и запирался дома с книгами, тогда шумная компания сорванцов, не без наущения Вадима, вваливалась во двор и выманивала его на реку купаться. Благодаря Сане у Вадима появилось чувство уверенности в себе и защищенности. Иногда он задумывался над тем, почему Саня так о нем заботится, и однажды спросил его об этом.

– Ты здесь чужак, – без обиняков ответил тот, – а в незнакомом месте всегда можно нарваться на неприятности.

Пример такой уже был: он чуть не утонул в болоте. В другой раз бык, предводитель стада, наставил на него рога и принялся рыть копытом землю. Коровы разбрелись по берегу канала, в то время как Вадим сидел у самой воды и мыл посуду. Эту обязанность он взял на себя добровольно, стремясь во всем подражать своему хозяйственному другу, к тому же ему было приятно что-то делать для стариков.

– В воду! Прыгай в воду! – услышал он голос Сани и не заставил просить себя дважды.

Через несколько минут Саня подгреб к Вадиму на лодке и втащил его на борт. – Чего это он взбеленился? А, Сань? Я ему ничего не сделал, даже в его сторону не смотрел. И красного на мне ничего нет. Может, у него с головой не все в порядке?

– Надо будет дядю Костю, пастуха, предупредить. Раз бугая на бодаловку потянуло, значит, нечего коров оставлять одних. Так и до беды недалеко. А на красное они не реагируют. Я читал, что быки цветов не различают. Ты все-таки без меня поменьше гуляй.

С тех пор, когда Саня был занят, Вадим тихо, как мышь, сидел у него в комнате, тоже углубившись в книгу. Саня, выискивая что-нибудь особенно любопытное, зачитывал вслух.

– Чего только не бывает на свете! – восклицал он в очередной раз. – Ты только послушай. В Индии есть дерево, называется баньян. Относится к эпифитам, то есть развивается на другом дереве, окружает его своим стволом, становится огромным и могучим, а бедное дерево-хозяин внутри задыхается, истощается и в конце концов гибнет.

Сане не очень давались математика и физика. Вадим предложил подтянуть его по этим предметам, в которых сам был силен.

Когда выдавались дождливые дни, занятия протекали особенно плодотворно.

– А ты знаешь, действительно интересно, – говорил Саня, корпя над уравнением, – просто все дело в том, что я ничего точного не люблю, а больше неопределенное, загадочное. Да и в жизни нет ничего определенного. Так и твои цифры: сейчас они точные, а при других условиях могут быть относительными.

– Ну ты, Эйнштейн, – смеялся Вадим, – не отвлекайся, решай давай.

Саню, казалось, интересовало все на свете. Эти его «Ты только послушай!» или «Посмотри!» следовали по десять раз на дню. Была у него какая-то удивительная, прямо гениальная способность увлечь другого человека, заставить его увидеть нечто замечательное там, где он прежде, из-за равнодушия, ненаблюдательности или отсутствия воображения, не усматривал ничего особенного. Это могла быть выдра, нырнувшая под корягу, голосистая птица в

лесу, дикий селезень на воде, краски небосвода, оплывающие в реку на закате и великое множество других явлений.

Как-то вечером ребята зазвали их в кино. Показывали фильм «Седьмая пуля». Действие происходило в Киргизии. Герой, которого играл Суйменкул Чокморов, боролся с бандитами-контрреволюционерами, скакал на лихом скакуне, метко стрелял, спасал от басмачей любимую девушку.

– Картина, что надо, – похвалил Саня после просмотра, когда они в тесной толпе зрителей выходили из зала.

– Ага, – согласился Вадим, – особенно в конце захватывает, когда он этого гада прищучил.

– Браки все это, – веско сказал Мишка, лущая семечки и самодовольно сплевывая шелуху. – Мой дед как раз в Средней Азии воевал. Там революцию наши делали, а эти узкоглазые все в басмачах ходили. Бандиты они все, черти нерусские.

– Ты что сказал? – вдруг озлился Саня и пошел грудью на Мишку.

Тот сразу сник, спесь с него вмиг слетела, он отпрянул назад и споткнулся, рассыпав семечки по земле.

– Сань, ты чего? Чего ты взъелся, в самом деле? Что я такого сказал?

– Я тебе сейчас как вмажу, сразу в голове прояснится!

Он схватил Мишку за грудки, встряхнул, потом отпустил, безнадежно махнув рукой:

– А, что с тобой разговаривать. Все равно ничего не поймешь.

Он круто повернулся и зашагал к дому.

– Вов, чегой-то он? – спросил Вадим.

– Чего, чего... Не любит он этого. Мишка сдуру ляпнул. Мог и по морде схлопотать. Заладил – русские, нерусские...

Вадим догнал Саню почти у самого дома. Лицо друга было мрачнее тучи, губы плотно сжаты. Он досадливо дернул плечом, когда Вадим попробовал его остановить.

– Сань, а на меня ты за что сердишься?

– Да не сержусь я на тебя, – сказал Саня и сел на скамью, прислонившись спиной к частоколу. – Просто зло меня берет, когда думаю, сколько таких невежд, как Мишка, языками впустую чешут и других с толку сбивают. Я, может, родину свою больше других люблю, только считаю, что человек сам себя обкрадывает, если не видит дальше собственного носа. Вон, в этом фильме, девушка какая красивая. А наши сразу – «узкоглазые, черномазые...». На нас непохожи, так ведь это и есть самое интересное. У них культура другая, обычаи другие и красота тоже другая. А тот, кто красоты этой не видит, он в точности, как те же быки – красок жизни не различает.

Еще через день, роясь в книгах, он воскликнул:

– Совсем забыл! Все хотел тебе показать, – и извлек из папки репродукцию «Моны Лизы» на развороте двух журнальных страниц, которые он, по всей вероятности, аккуратно вычленил из «Огонька».

– Подумаешь, невидаль, – хмыкнул Вадим, – это же «Джоконда». Я ее тыщу раз видал. И ничего в ней нет. Толстая тетка и даже некрасивая. Не пойму, почему из-за нее весь мир с ума сходит.

По тому, как Саня на него уставился, Вадим заключил, что сморозил какую-то глупость.

– Нечего на меня глазеть, – нахохлился он. – Не нравится она мне, и все тут. Каждый имеет право на собственное мнение.

– Какое у тебя может быть мнение, когда мозгов нет, – сказал Саня. – Ладно, не обижайся, – миролюбиво добавил он, – просто сделай, что я попрошу. Сиди и смотри на нее, хотя бы пять минут, а потом поговорим.

Стал Вадим смотреть на Мону Лизу. Смотрел, смотрел и через короткое время обнаружил, что она все о нем знает. Каким-то чудесным образом эта незнакомая девушка из далекой страны, из невообразимого прошлого, знала и понимала все его страхи, детские обиды, неуверенность и мучительные сомнения, все его сокровенные мечты и тайные надежды, и улыбалась она ему мудро, снисходительно и чуть лукаво. Она ласково ободряла его, говорила, что все проходит, что впереди его ждет много хорошего, настоящего, и обещания уже начинали сбываться, потому что рядом был Саня – это было хорошо, очень хорошо, лучше не бывает! Теперь он видел, что она красива. Красота эта была светом ее души. Она озаряла и согревала самые потаенные уголки его сознания.

Сбоку возникла хитрющая физиономия Сани.

– Ага, забирает, – торжествуя констатировал он. – И не тебя одного. А ты говоришь – «тетка»!

Через много лет, уже в другой жизни, приехав по делам в Париж, Вадим отправился в Лувр и долго бродил по его бесчисленным залам, и в одном из них была *она*, теперь уже подлинная, созданная кистью великого мастера. Он всем своим существом потянулся к ней, надеясь вновь найти в ней ободрение и сочувствие, но на этот раз она смотрела на него совсем по-другому. Она снова видела его насквозь, знала о нем все до последней мелочи, до каждой прожитой им секунды, знала даже то, в чем он сам боялся себе признаться. Ему показалось, что он остался один на один со своей жизнью, с изгнанной памятью, с поверженной и теперь разом восставшей совестью. У него заболело сердце, и стало трудно дышать. Когда мука стала нестерпимой, ему захотелось выстрелить, чтобы она так больше не улыбалась. Рука его неудержимо и страшно потянулась за пистолетом, но не нашла его на обычном месте. Он стремительно ринулся прочь, по нескончаемым анфиладам, мимо молчаливых полотен, удивленных посетителей и возмущенных зрителей, с трудом нашел выход и вырвался наружу. За ним почти бежал Игорь, который и здесь не отставал ни на шаг от своего подопечного, и, конечно же, стоя вместе с ним перед «Джокондой», понял суть его произвольного движения.

– Вы что-то заметили, Вадим Петрович? – спросил он тогда, мучаясь мыслью, что мог проглядеть опасность.

Вадим не ответил. Разве мог он признаться Игорю, как близок был в тот миг к самоубийству. О том, что творилось у него в душе, он мог бы рассказать только одному человеку.

Глава 5

Близились ягодная пора. Теперь ребята грузили в лодку все сразу: удочки, лукошки, котелок для ухи, лук, картошку, немного хлеба и отправлялись за Свирь в лес или на болота и возвращались только к вечеру. На обед ловили рыбу и варили уху здесь же, на берегу.

Был случай, когда они забрались далеко на болото, где брусники было видимо-невидимо, и вся крупная, как на подбор. Они успели засыпать лукошки только наполовину, когда за кустами кто-то заревел.

– Все, тикать надо, – сказал Саня и, схватив Вадима за руку, пригнулся и припустил в лес.

Они еще долго неслись со всех ног, задевая кусты черники, из которых вздымались тучи потревоженных комаров, врезаясь лицами в блестящие сплетения паутин, пока Саня не счел, что опасность миновала.

– А кто это был? – отдышавшись, спросил Вадим.

– Известно кто – медведь. С этим зверюгой лучше не встречаться. Мужики говорят, в наших краях шатун объявился, зимой не выспался, потому злой как бес. А может, выдумки это все.

Они шли по узкой, едва проторенной тропе сквозь аромат лесной глуши – смешанный запах сосен, мха и перегноя. Под хвойными кронами мерцал изумрудный свет, лес был спокоен и тих своей особенной живой тишиной, исполненной щебета птиц и монотонного гудения всевозможных букашек.

– Ну и видок у тебя, – прыснул Саня, наставив на Вадима вымазанный черникой палец, – вся мордаха в брусничном соке и паутине.

– А сам-то ты лучше, что ли? – рассмеялся Вадим и вскрикнул: – Смотри – озерцо, как будто специально для нас!

Они вышли к небольшому озеру, заросшему камышом и кувшинками. Густая поросль кустов голубики захлестнула его зеленые берега. Чирок на воде уставил на них блестящую бусинку глаза и, видимо, заключив, что эти чумазные существа доверия не внушают, поспешил укрыться в камышах. Друзья умылись и прилегли отдохнуть в сквозной тени молодой березки. Саня, слегка помахивая веточкой, отгонял выющую у лица мошкору.

– Везет тебе, Сань, – сказал Вадим, – среди такой красоты живешь. Будь моя воля, и я бы здесь насовсем остался. Дома мне все надоело – гулять нельзя, музыкой заставляют заниматься. Мне все эти этюды Черни и сонатины Клементи уже поперек горла встали.

– Я думал, это здорово, когда умеешь играть на каком-нибудь инструменте. А ты на чем играешь?

– На фортепиано. Только это совсем не здорово. Для меня, во всяком случае. Не выйдет из меня пианиста. Я физиком хочу стать. Мне это в сто раз интереснее.

– Так бросай свою музыку, – лениво жмурясь, посоветовал Саня. – В чем загвоздка-то, не пойму?

– Отец настаивает. С ним спорить нельзя. Он этого не терпит.

– А что он тебе сделает? Убьет, что ли?

– Убить не убьет, но может... – Вадим перебрал в уме все возможные варианты отцовской расправы над мятежным сыном и понял, что терять ему, в сущности, нечего.

У Сани в глазах плясали синие чертики.

– Запугал он тебя, как я погляжу. Маешься без толку, давно бы занялся тем, что тебе по душе. Эх ты, голова два уха.

– Надо же, я и не представлял, что все так просто. Я лучше спортом займусь. А потом поколочу Дениса из девятого класса и Кольку из параллельного.

Саня сел.

– Тебя что, в школе бьют?

– Случается, – никому другому он бы этого не сказал. – Вообще-то они всех бьют, кто не с ними, и еще деньги с младших собирают. Все их ненавидят, но боятся.

– Ладно, – решительно сказал Саня, – с завтрашнего дня начнем отрабатывать удары. Ты уже не такой слабак, каким приехал. Главное – поверить в себя, остальное приложится.

Вадим откинулся на спину, испытывая небывалое чувство невесомости. Будь он уверен в существовании души, то именно сейчас мог бы поклясться, что эта легкая эфемерная субстанция покинула его тело и счастливо взмыла в небеса, расправила окрепшие крылья и зависла над землей в блаженном парении.

– Сань, ты как думаешь, Бог есть? – спросил он с той невероятной прекрасной высоты, стремясь взлететь еще выше в своей чудесно обретенной, бесшабашной дерзости.

– Не знаю, – ответил Саня, помолчав, – в школе говорят, что нет, а бабушка говорит, что есть. Я сам об этом много думал.

– И что надумал?

– Думаю – есть Бог. Ты посмотри, как в природе все продумано, взаимосвязано, предусмотрено, будто кто позаботился обо всех, до самой последней букашки, травинки. Когда говорят: «Слепые силы природы», – мне смешно становится. Ничего она не делает вслепую, а делает только то, что ей положено. Это люди везде вслепую суются – реки перекраивают, леса вырубают, осушают болота, роются в земле, как кроты, потом удивляются, почему природа их не щадит. Я так думаю: равновесие в природе, установленный порядок вещей – это все от Бога, а человек слишком мал и глуп, чтобы пытаться его изменить, а если пытается, значит идет против Бога.

– Где же тогда рай и ад?

– Вот этого уж точно никто не знает.

– А я всегда думал, что Вселенная – это какое-то огромное, необъятное тело. Солнечная система похожа на атом, и таких систем бесчисленное множество. Может, космос и есть Бог? Вот я и хочу стать физиком, чтобы во всем разобраться, а может, даже астрофизиком.

Саня слушал Вадима с таким выражением, словно обдумывал каждое его слово. Они проговорили два часа с сияющими, вдохновенными лицами, пока их пустые желудки прозаически не напомнили о себе.

Саня вскочил и хлопнул себя по лбу.

– Бабушка сегодня калитки печет. Бежим скорей!

Бабушкины калитки – разговор особый. Никогда больше в своей жизни Вадим не ел ничего более вкусного. Калитки умели печь все свирские бабушки. На тонко раскатанный лист ржаного теста выкладывались ягоды черники или брусники, посыпались сахаром, и в печь. С кружкой парного молока такой пирог казался царским угощением.

Сегодня побаловать мальчишек решила бабушка Марфа. Прежде чем взойти на крыльцо Санينو дома, Вадим набычился и заявил, что больше не сделает и шагу, если его упрямый друг не пообещает прийти с ответным визитом на пироги к бабушке Дусе.

– Ты ведешь себя так, словно никому не хочешь быть обязанным, даже тем, кто тебя любит. А это обидно, – сказал он Сане.

Тот сосредоточенно выщипывал пальцами босой ноги кудрявый клевер у крыльца.

– Ты понимаешь меня или нет? – спросил Вадим, усаживаясь на ступеньку и заглядывая снизу Сане в лицо.

– Нет, не понимаю, – последовал донельзя сварливый ответ.

– Всегда ты все отлично понимаешь! У тебя просто сдвиг по фазе на почве твоей гордости. Люди угощают друг друга, ходят в гости, дарят подарки, а ты – настоящий дикарь.

Саня стрельнул в него синим из-под век.

– Это я дикарь?

- А то кто же? Дикая тварь из дикого леса!
- Киплинга я тоже читал.
- Вот и не веди себя, как Маугли. Ты среди людей живешь.
- Ладно, – нехотя согласился Саня, – постараюсь исправиться. Только это сильнее меня.

Ты шибко на меня не дави.

После обеда Саня засел за книги, а Вадим пошел домой.

– Тебя тут Мишка-охломон с утра спрашивал, – сказала ему бабушка Дуся. Принесла нелегкая! Не иначе как очередную пакость затевает. Третьего дня тоже приходил, когда вы в лесу были. Все ходит и ходит. Ты с ним, Вадя, не играйся. Пустой он мальчишка. Сказал, еще придет.

Она посмотрела в окно.

– О, легок на помине. Сидит, злыдень, забор подпирает. Сказать, чтоб шел отсель, не дожидался зря?

– Не надо, бабуль. Пойду погляжу, что ему понадобится.

Мишка, развалясь на скамейке и закинув ногу на ногу, лушил подсолнух. Вадим подумал, что было бы трудно представить его за другим занятием.

– Вадь, привет, – сказал Мишка таким тоном, будто они с Вадимом были закадычные друзья. – Садись, поболтаем.

Он с великодушным видом подвинулся, освобождая рядом с собой место.

– Некогда мне с тобой лясы точить. Говори, зачем пришел, – хмуро отозвался Вадим.

– Ты на меня не серчай за тот случай, – примиряюще начал Мишка, – каждый может ошибиться. Я вот чего: завтра у меня день рождения, так я тебя приглашаю к себе домой в пять часов. Саня тоже придет.

– Ты почему знаешь? Говорил ему уже?

– Нет, сейчас скажу, – Мишка самодовольно осклабился. – Он точно придет, куда денется.

Вадима удивил Мишкин уверенный тон, словно речь шла не о Сане, которого и силком в гости не затащишь.

– Спасибо за приглашение, – озадаченно произнес он. – Только я без Сани никуда, ты знаешь.

– Как не знать?

Мишка метнул вороватый взгляд в сторону Вадима. Какая-то невысказанная мысль кривила его обсыпанные семечной шелухой губы. Вадим подступил к нему и потребовал:

– Говори, что за пазухой держишь!

Мишка насмешливо хмыкнул:

– Не бойсь, ничего особенного. Смешной ты, Вадик, на самом деле. Ты вот к Сане насмерть привязался, а того не знаешь, что он тебя попросту жалеет, потому и дружит с тобой. Душа у него добрая, а то стал бы он возиться с таким воробьем, как ты.

– Это он тебе сказал? – с трудом выговорил Вадим, чувствуя, как чьято грубая невидимая рука схватила его за горло.

– Дождешься от него, как же! Саня слово молвит – рублем подарит, как наши бабули говорят. Только и без слов всем ясно, что взял он тебя под свое крыло по причине твоей жалкой наружности. Он у нас с малых лет сердобольный, ни одного щенка не пропустит.

Вадим после случая с конфетами дал себе слово никогда больше не плакать. Он зажмурился до искр в глазах, глубоко вздохнул, потом произнес без всякого выражения:

– А тебе-то что за печаль? Ты затем сюда явился, чтобы все это мне высказать?

– Да так, к слову пришлось, – лениво процедил Мишка, – хотел тебя предупредить, чисто по-дружески. Плохо ведь, когда думаешь одно, а на самом деле совсем другое. А приглашение мое остается в силе, на полном серьезе. Ну, я пошел. Надо еще к Сане заскочить.

Он повернулся и удалился своей расхлябанной походкой, оставив Вадима полностью раздавленным и униженным. Сдерживаясь изо всех сил, чтобы не заплакать, отравленный страшными подозрениями, Вадим понуро повлекся по песчаной косе к монументу. Теперь он вновь казался себе смешным и нелепым. Мишка прав: с какой стати Сане, которого все любят и уважают, а некоторые даже боятся, с которым дружить будет счастлив любой, стоит ему только захотеть... так вот, с какой стати Сане дружить с неловким, слабым и ничтожным Вадимом? Он и раньше никому не был нужен, потому что нет в нем никаких достоинств, одни только вопиющие недостатки, и Саня, конечно, не слепой, чтобы их не замечать.

Он сел на ступеньку у подножия памятника, лицом к пламенеющему закату. Низкое солнце роняло кровавые слезы в безучастно застывшую реку. Думать он не мог: было слишком больно. В голове – сплошная вязкая вата, откуда-то издали нарастал пульсирующий гул, перешедший в частый стук – все громче и громче, все ближе... не стук это, а быстрый топот ног! Саня встал перед ним – стройный живой мальчишка с пытливыми глазами.

– А ну выкладывай, что тебе Мишка наплел! Все вижу, не отвертись! – задыхаясь от стремительного бега, выпалил он.

Вадим с неизменной тоской вперился взглядом в тлеющий горизонт и молчал.

– Будешь отвечать или нет? – настойчиво допытывался Саня. – Вадим, ты мне друг?

– Не знаю, – с глубоким унынием проговорил тот, – Мишка сказал, что ты дружишь со мной из жалости.

– Ну ты дурак! – возмутился Саня с каким-то растерянным изумлением. – Я с тобой дружу, потому что ты умный, мне с тобой интересно, потому что ты меня понимаешь и чувствуешь все, как я. Чего мне тебя жалеть? Ты инвалид, что ли?

Смотри на меня, псих несчастный! – закричал он. – Это у тебя сдвиг по фазе! Я давно заметил, что ты комплексуешь из-за своего роста. Если хочешь знать, ты еще меня перерастешь. Эх, руки чешутся тебя вздуть!

Вадим вскочил:

– Поклянись, что не врешь!

– Не сойти мне с этого места! Значит, мне ты не веришь, а Мишке, прохвосту, поверил? Может, мне с ним дружить прикажешь? Семечки с ним целыми днями лузгать и по чужим огородам шастать? Высокого же ты обо мне мнения, нечего сказать!

– А почему ты с другими ребятами не дружишь?!

– А вот с кем хочу, с тем и дружу, понял?!

Они сели рядом, тяжело переводя дыхание, с красными щеками и злыми глазами.

– Чтоб я больше этого от тебя не слышал, а то и вправду поссоримся, – сказал Саня, постепенно успокаиваясь. – А к Мишке пойти все же надо, раз пригласил.

Вадим посмотрел на него с удивлением:

– Только что ты его ругал, а завтра поздравлять будешь? Я ему желать всех благ не собираюсь.

– Это ты зря. Мишка хоть врал и прощелыга, а все ж не чужой – мы с ним в одном поселке живем и в одну школу ходим, и шкодит он не по злобе, а по глупости. Вырастет, – может, поумнеет. Ты лучше подумай, что мы ему дарить будем.

Вадим сдался:

– Пошли с утра в магазин, выберем что-нибудь.

– Ты что, магазина нашего не видал? Там, кроме макарон и хлеба нет ничего. Думаешь, я рыбу для развлечения ловлю?

– Тогда подарим ему те самые конфеты.

– Правильно, а я ему книгу подарю – «Записки о Шерлоке Холмсе». Я ее только получил, новая совсем.

– Не жалко тебе? Да и Мишке она ни к чему. Вряд ли он книги читает.

– Заставлю прочесть. Такую книгу только начнешь – и уже не оторвешься. Это тебе не «Железный поток» Серафимовича. После Конан Дойла он, может, вообще книги читать полюбит. А не станет читать, так кто-нибудь другой из его семьи прочтет.

Произнеся последнюю фразу, он неожиданно смутился и, чтобы скрыть смущение, затопился домой, оставив Вадима в сильнейшем недоумении.

– Ты идешь? – обернулся он через несколько шагов.

Вадим догнал его и спросил:

– Сань, а откуда ты знаешь, что я еще вырасту?

– У тебя папа высокий?

– Очень. Метр девяносто.

– И мама высокая, и дед с бабушкой высокие. Генетика, брат. Против науки не попрешь, – глубокомысленно заключил он. – У нас в старших классах такие шкеты, как ты, летом уйдут на каникулы, а осенью возвращаются что твоя каланча, снизу верхушки не видать. Так что раньше времени не переживай.

Вечером Вадим сидел у самовара с бабушкой и дедушкой и односложно отвечал на вопросы. Обижать стариков невниманием ему не хотелось, но отвлечься от впечатлений минувшего дня он никак не мог. Беспреданно обдумывая разговор с Саней, он нечаянно зацепился мыслью за слова «мама, папа». Эти привычные и родные понятия вдруг обожгли все его существо напоминанием о том, что у самого Сани нет ни мамы, ни папы; что он, сирота, лишенный родительской заботы и внимания, не знавший материнской ласки, находил убедительные слова ободрения и утешал его, Вадима, у которого было все. Все!

Он содрогнулся от стыда и опрокинул чашку с чаем на стол. Горячие струйки потекли ему на колени, но он не почувствовал боли. Осознание своего чудовищного эгоизма вытолкнуло его из-за стола. Бабушка всполошилась, решив, что внук сильно ошпарился, запричитала и поспешила в сени за растительным маслом.

– Ты что, внучек? – спросил дедушка, разгадав его настроение. – Ты часом с Саней не поссорился?

– Деда, у тебя друг есть? – Вадим смотрел в слезящиеся глаза деда открыто и сурово, всем своим видом требуя правдивого ответа.

– Друг у меня был, и не один.

– А где они сейчас?

– Так умерли все. Мне годков-то сколько, в расчет не берешь? Какие в Гражданскую полегли, какие в Великую Отечественную, а другие от болезней, да от старости.

– Тогда скажи мне, как мужчина мужчине, что можно сделать для друга? Что-то очень хорошее, стоящее.

Дед отхлебнул из блюдца; причмокивая, пожевал чай губами и сказал:

– Высокопарные и громкие слова я тебе говорить не буду. Знаю, что не этого ты ждешь, – он поманил мальчика пальцем и, накрыв его маленькую ладонь своей пухлой, в узлах вен, ручищей, долго изучающе смотрел ему в лицо.

– У Сани кроме бабушки родных нет. Вот и подумай сам, что ему больше всего нужно. И еще послушай своего старого деда, может, я и сказать тебе больше ничего не успею: если любишь кого, будь то друг, мать, сын или внук, – не требуй ничего взамен, иначе не любовь это будет, а торги.

Вадим обнял деда и крепко поцеловал его в старческие сморщенные губы.

– Понял, значит, – растрогался Николай Лукич, – иди, чадунюшка, спать ложись, припозднились мы нынче за разговорами.

Глава 6

Назавтра ребята, как обычно спозаранок, отправились на рыбалку.

– Давай ловить на блесну, – предложил Вадим, – мне бы хотелось для деда щуку добыть. Он ее очень любит.

Саня сел на весла, и лодка плавно скользнула по серому полотну реки. Кругом тишина, равномерный скрип уключин, редкий брех собак вдалеке. Нос лодки плавно рассекал воду и стелил вдоль бортов волнистый след. В воздухе тянуло запахом тины, мокрых камней по берегам и далеким ароматом сена.

– Сань, я тебе не говорил, но ты, наверно, и так знаешь, что у меня братьев и сестер родных нет, – начал Вадим издалека, не очень хорошо представляя, как подойти к щекотливой теме.

– Знаю, не пойму только почему.

Голос Сани звучал отстраненно. Он налегал на весла, делал мощный гребок, при этом взгляд его, казалось, был прикован к одной бегущей по воде точке. Он думал о чем-то, что не касалось Вадима, и отвечал ему скорее машинально, чем осознанно.

«Придется отложить разговор до более удобного случая, – подумал Вадим. – Кто бы знал, что с ним творится».

Щуку они в тот день так и не поймали. Саня все утро витал в облаках, на Вадима смотрел отвлеченно, словно его не видел, наконец в полдень встряхнулся и объявил:

– Хватит на сегодня, надо в гости собираться. Возьми мыло и полотенце, вымоемся как следует в реке, а то от нас рыбой разит.

Отдраив друг друга мочалкой до красноты и выдрав от усердия до половины волос из спутанных шевелюр, они отправились по домам одеваться в парадное платье.

Ровно в четыре тридцать Саня зашел за Вадимом. На нем был серо-голубой тщательно отглаженный костюм, белая рубашка и черные, начищенные до блеска туфли. Его белокурые густые волосы были гладко зачесаны назад, что, несомненно, стоило ему титанических усилий после мытья в холодной речной воде. В руке он держал аккуратно завернутую в бумагу книгу. Выглядел Саня торжественно и серьезно, дальше некуда.

– Батюшки-светы, – ахнула бабушка Дуся, – да ты никак жениться собрался! Уж так наладился, глаз не оторвать!

Вадим, воюя перед зеркалом со своей каштановой, не менее буйной отросшей гривой, услышав бабушкины слова, обмер и бессмысленно уставился на собственное отражение. Так вот оно что! Евдокия Федоровна вмиг разглядела то, над чем он два дня ломал голову. Судя по тому, как Саня залился краской по самые уши, следовало предположить, что бабушка попала в точку, и точка эта, как видно, была болезненной. Поэтому Вадим решил не травмировать друга еще больше и сделал вид, что ничего не заметил, хотя любопытство его было возбуждено до предела.

– Не жарко в костюме? – сказал он только. – Я пиджак надевать не собирался.

Пиджак он все-таки надел в знак солидарности, взял коробку конфет под мышку, и друзья с невероятно строгим и официальным видом потопали по мосткам вглубь поселка на глазах у многочисленных зрителей, сидевших по лавкам. Куда они идут, никто не спрашивал – это считалось дурной приметой. И к чему спрашивать, когда и так всем все известно: у Мишки день рождения, парню пятнадцать стукнуло – круглая дата. Отец приехал с деньгами, а главное, с продуктами, навез подарков детям, сыну – велосипед «Орленок», будет теперь форсить, только в Свирице особо не погоняешь, вместо дороги – канал, вместо тротуаров – доски, но Михаила от гордости так и распирало. Родители подсустились, устроили для ребятни вечеринку; даром,

что сын оболтус, только на беспутные проделки горазд, не в отца, работягу, пошел, а все ж свое дите, родная кровиночка.

Принарядившиеся отроки миновали дома, несколько деревянных коммуналок, Дом культуры, в просторечье именуемый «клубом», куда по вечерам селяне ходили в кино, а молодежь на танцы; на пароме переправились на другую сторону канала и направили стопы к Мишкиному дому, который ничем от других поселковых жилищ не отличался, разве что огород у них больше походил на сад – настоящее чудо, благовонный и свежий, с зелеными лужайками, раскидистыми тенистыми яблонями; посреди лужайки – длинный, уставленный угощением стол.

Гости, в основном, были в сборе. Ребята шумно приветствовали появление Сани и Вадима, скорее всего, Сани, что еще раз доказывало его популярность среди подростков. Их встретили криками, одобрительным визгом и даже аплодисментами.

Виновника торжества не было видно.

– Наводит красоту, – хихикнул кто-то в ответ на Санин вопрос.

Вадим пристально разглядывал девочек, стараясь по реакции Сани определить, кто же та счастливица, что удостоилась внимания его друга, но ничего пока не заметил. Сам он относился к девочкам равнодушно, считал их всех задавалами и кривляками. Так и сейчас, с заведомым скептицизмом осмотрев эти никчемные и крикливые создания, он лишь укрепился в том мнении, что пользы от них человеку никакой. Что касается Сани – что ж, ничего не поделаешь, и у сильных мужчин бывают свои слабости.

Появился Михаил. Саня очень просто, по-свойски его поздравил и только успел вручить подарок, как вдруг резвая очаровательная девчушка лет тринадцати вылетела из дома и повисла у него на шее.

– Саня, негодник, – звонко говорила она, быстро целуя его в обе щеки, – злой, противный обманщик. – Она заглядывала ему в глаза с веселым оживлением на милом подвижном лице. – Я книгу давно прочла, а ты исчез так надолго. Я ведь скучаю, не стыдно тебе? А у нас велосипед. Покатаешь меня? Мишка ленится меня катать.

– Вот, вот, передаю ее тебе из рук в руки, – снисходительно глядя на сестру, сказал Мишка, – она мне уже все уши прожужжала – Саня да Саня. С утра плакала, боялась, что не придешь.

Саня смотрел в ее запрокинутое лицо с нежностью и радостным волнением.

– Нельзя тебе, Верушка, что если опять упадешь? – он осторожно погладил ее по роскошным растрепанным волосам.

Вера была ярко-рыжей, медноволосой, с очень белой кожей, какая бывает у настоящих рыжих. Нежные щеки ее, покрытые едва заметными веснушками, отливали золотом при малейшем повороте кудрявой головы. У нее была крепкая стройная фигурка, большущие глаза с серыми узорчатыми зрачками, будто подернутыми сверкающей морозной вязью, и прямой, чуть вздернутый носик. От нее веяло прелестью ребенка и грацией зарождающейся женственности.

– Не упаду, Санечка, миленький, мама только тебе доверяет, даже Мишке не велит, а он и рад, пройдоха. Ну покатай, Сань, – она запрыгала на месте от нетерпения, молитвенно сложив ладошки.

– А это кто? – Она заметила Вадима и с детской непосредственностью разом переключила внимание на нового гостя, уставив в него большие доверчивые глаза.

– Это мой друг, Вадим, он из Ленинграда, приехал к нам на каникулы, – объяснил Саня.

Увидев незнакомого мальчика, Вера, казалось, вспомнила, что она уже не ребенок, задичилась и убежала.

– Все, забыла про велосипед. Поди пойми, что ей, стрекозе, нужно, – посмеиваясь, сказал Мишка.

Вадим принес ему свои поздравления, глядя при этом куда-то вбок. Стоило ему вспомнить жестокие Мишкины слова, и обида камнем поворачивалась в сердце.

– Садитесь за стол, гости дорогие! Не стесняйтесь, угощайтесь и веселитесь, – радушно провозгласил Мишка.

Вадим сел за стол, а Саня задержался на минуту с Михаилом, перекинулся с ним несколькими фразами, после чего чествование именинника началось. Родителей Мишки то ли не было дома, то ли они намеренно не показывались, чтобы не стеснять молодежь. На празднестве присутствовали одноклассники Михаила, ребята помладше, из его компании, несколько подружек Веры и все соседские дети. Стол был уставлен жареными курами, пирогами, салатами, большими вазами с фруктами и бутылками с лимонадом. Михаил сидел во главе стола и милостиво принимал поздравления.

Вера заняла место рядом с Саней, ухаживала за ним, без конца подкладывала ему в тарелку еды, невзирая на протесты, и смотрела на него с неприкрытым обожанием. Вадим был поражен, тем более что никого это, кроме него, не удивляло.

Спиртных напитков на столе не было, но кто-то из старших ребят тайком принес бутылку водки, которую отправились распивать в дом так, чтобы не увидела Вера.

– Ябеда сразу настучит родителям, – предупредил Мишка, как только Вера отошла к подругам. – Сань, бери Вадима, пошли ко мне, пропустим по одной.

– Ты же знаешь, я не пью, и вам не советую.

– Ну не пей, нам больше достанется, а все равно пошли, поговорить надо.

Включили магнитофон, и оставшаяся в саду детвора пустилась в пляс.

Комната у Мишки была престранная. В ней находилось два стола, поставленных рядом в виде буквы «т», как это делается в кабинетах партийных деятелей, по сторонам одного стола, как и положено, стояли стулья, над начальственным креслом на стене висел фотографический портрет Мишки в костюме и при галстуке.

– Прошу садиться, – с царственным видом предложил хозяин, опускаясь в кресло под собственным портретом.

– Это еще что за цирк? – приглушенно спросил Вадим.

– Мишка мечтает стать большим начальником и готовит себя к этой роли заблаговременно, – спокойно пояснил Саня.

– Да у него крыша поехала, – прошипел Вадим.

– Что ж, у каждого крыша едет по-своему, – невозмутимо возразил его друг.

Тем временем на стол водрузили бутылку и поставили маленькие стаканы.

Мишка обратился к Вадиму:

– Сане я не предлагаю, он зарекся водку пить из-за своего отца, но тебе-то можно самую малость?

– И ему нельзя, – сурово отрезал Саня, и Мишка не стал настаивать.

– Жаль, хотел выпить с тобой на мировую. – Он залпом проглотил содержимое стаканчика и вытер рот рукавом. – Я тебе вчера гнусностей наговорил, только это по незнанию. Саня мне все разъяснил и указал на мои ошибки. Критику признаю справедливой, приму все необходимые меры для устранения недостатков...

– Михаил, не увлекайся, – прервал его Саня, – извинись по-человечески, не тяни волюнку.

Мишка от одной выпитой рюмки моментально захмелел и пошел на Вадима, валяжно раскинув руки, с пьяным восторгом на лице:

– Дружбан, забудем все! Дай-ка я тебя от души расцелую!

Саня встал перед ним.

– Ми-ша, – раздельно произнес он, – на генерального ты пока не тянешь.

В дверь требовательно забарабанили.

– Вера! – мгновенно трезвея, произнес Мишка. – Везде достанет. Прячьте все, живо! Вовка, иди открой.

Вошла Вера в сопровождении любопытной малышни. Саня поспешно отвернулся к стене, опасаясь, что она заподозрит его в причастности к несанкционированной пьянке, и принялся с величайшим вниманием разглядывать репродукцию картины Саврасова «Грачи прилетели». Точно такая же висела у него дома, в его комнате, и даже Вадим уже знал каждый ее штрих наизусть.

– А ничего картина, да? – сказал Вадим.

– Блеск! – отозвался Саня, отступая на шаг с видом эстета.

– Первый раз видишь? – спросил Вадим.

– Таким произведением можно любоваться бесконечно! – воскликнул тот, подкрепив свои слова вдохновенным жестом.

Вадим пихнул его в бок. Саня обернулся и оказался лицом к лицу с Верой и еще с десятком ребят, которые, вытянув шеи, выглядывали из-за ее спины и недоуменно таращились на объект, привлечший внимание всеобщего любимца.

– Вы почему заперлись? – спросила Вера, обводя собравшихся подозрительным взглядом. – Водку пили? Я все папе расскажу!

Она по-детски гневно и непримиримо воззрилась на Саню.

– Не вздумай меня обманывать! – заявила юная командирша и топнула ногой.

Саня молчал, ласково улыбался ей своей обаятельной улыбкой. Она безо всякого стеснения притянула к себе его голову и обнюхала губы, ноздри и даже светлые пушистые ресницы.

– Вот здесь забыла, – сказал он, прикладывая палец к щеке.

Проигнорировав последнее замечание, она с неподражаемой важностью взяла его за руку и повела за собой, словно пленника, добытого в бою. Прежде чем выйти, девочка погрозила пальцем брату и его сообщникам.

– Фу-у, пацаны, кажется, пронесло, – с облегчением вздохнул Мишка. – Вадь, сиди тут. Если снова с ревизией нагрянет, мы тебя предъявим как доказательство трезвости. Хотя, раз Саня с ней, вряд ли снова придет.

– Почему Вера так к нему привязана? – спросил Вадим.

– А, долгая история, – махнул рукой Мишка, – если вкратце, то можно сказать, что он ее выходил. Она чуть было инвалидом не осталась.

Вадима это объяснение не удовлетворило. Он не сдавался и продолжал расспросы. Историю выздоровления Веры знали все. Рассказывали сумбурно, перебивая друг друга, добавляя упущенные детали, спорили, что говорила Вера или Саня, и в какой момент – все это было крайне важно и не подлежало искажению.

Выяснить Вадиму удалось следующее: когда Вере было семь лет, она упала с качелей, да так неудачно, что повредила позвоночник. Веру повезли в Ленинград, там ее прооперировали и обещали, что ходить она будет, надо только подождать. По прошествии установленного для выздоровления срока родным Веры стало ясно, что в душе у девочки произошел тяжелый психологический надлом. Она все твердила, что никогда больше не встанет и, убедив в этом самое себя, попыток к тому никаких не делала. Минул год, ей исполнилось восемь лет, а в школу она, так и не ходила, почти ничем не интересовалась, кресло свое покидать не хотела, – уговоры родных вызывали у нее только слезы и крики.

Саня, будучи всего на каких-нибудь полтора года старше Веры, забежал как-то летом за Михаилом и увидел бледную печальную девочку в инвалидном кресле. Мишка, при всех своих недостатках, сестру любил, баловал и как раз пытался ее развлечь, катая по саду. Настроение у него было паршивое. Все его усилия развеселить Веру пропадали даром.

Даже легкой улыбки не мог он вызвать на ее золотом личике.

Я и не знал, что сестра у тебя царевна Несмеяна, – сказал Саня, мгновенно оценив обстановку.

Девочка подняла на него грустные глаза, с минуту разглядывала его славное, выразительное лицо, потом спросила:

– Кто это – царевна Несмеяна?

С того дня Саня стал рассказывать ей сказки. По утрам, едва проснувшись, Вера занимала место на посту у калитки, высматривая своего искусного сказочника. Он ее и кормил, и гулял с ней, укладывал спать. Она не могла без него обходиться. С устных рассказов, часто собственного сочинения, он перешел на книги, читал ей Перро, Гауфа, Бажова, Братьев Гримм, выборочно Андерсена, опуская особо грустные истории. Однажды, не дочитав сказку, он закрыл книгу на самом интересном месте и потребовал, чтобы Вера встала. Девочка заупрямилась и залилась слезами. Тогда он пригрозил, что уйдет и больше не появится. Угроза подействовала. Кусая до крови губы, с усилием цепляясь за подлокотники, она приподнялась, встала, покачалась и протянула к нему руки. Он учил ее ходить, она быстро уставала и просилась обратно в кресло. Как-то раз он принес «Волшебника Изумрудного Города», прочел немного и притворился, что в глаз ему что-то попало. Пришлось продолжать ей самой. Читала она плохо, по складам, но очень скоро дело пошло на лад. Саня слушал, делая вид, что с содержанием книги не знаком. На следующий день он уже застал ее в саду с книгой на коленях. Так он приучил ее к чтению.

Однажды она спросила:

– Изумрудный город на самом деле существует?

– Конечно, только он отсюда очень далеко, зато Изумрудный лес совсем рядом.

Девочка широко раскрыла глаза. Дыхание легко и часто слетало с ее губ.

– Расскажи мне о нем, – попросила она.

– Там еще интереснее, чем в городе Гудвина, – начал рассказывать он. – Там, в таинственном зеленом сумраке, бродят молчаливые лоси, медвежата кувыркаются в пушистых травах, летние ветры играют в прятки среди деревьев. Стоит ступить на жаркий лужок, как ветер толкнет тебя в грудь и спрячется, тогда ищи его там, где витает ягодный дух и беззаботно пляшут солнечные зайчики. Вспугнешь ветерок, он выпорхнет из-под ног и полетит прочь, обернувшись громадным гудящим шмелем.

– Ты отведешь меня туда?

– Если очень попросишь, но учти: тебе придется идти своими ножками. Сначала мы поплывем в лодке, кресло твое взять не сможем, так что решай сама.

На этом месте ребята принялись запальчиво спорить, кто из них участвовал в той первой памятной поездке в лес, что за давностью лет подзабылось, тогда как каждому хотелось считать себя очевидцем знаменательного события. В то лето Саня задал тон, и дети сплотились вокруг больной девочки. Каждый день в лес снаряжались по две-три моторки, во главе со взрослыми. Дети соревновались в стремлении помочь Вере обрести уверенность в себе.

Вера поправилась полностью и осенью пошла в первый класс. Саню она от себя отпускать по-прежнему не хотела. Родители ее тоже души в нем не чаяли.

– Теперь он стал редко к нам ходить, – сказал Мишка, – принесет книжку, посидит часок и уйдет. А она переживает. Глупая еще, – вздохнул он.

Вадим пошел в сад. Близился вечер. С неба лился густой синий свет. Далеко над лесом занялась ранняя звезда. На реке гудели запоздалые буксиры. Мишка щелкнул выключателем у крыльца, и на дереве, среди листвы, загорелась желтая лампочка. Дети, сбившись в кучку на зеленом пятачке, отплясывали кто во что горазд.

Саня с Верой сидели в конце стола, на краю длинной, застеленной ковриком лавки. Вадим остановился в нерешительности, не зная, стоит ли к ним подходить, но Саня заметил его и

помахал рукой. Вадим подошел и сел напротив. Тотчас сбоку подсел здоровый Вовка и сграбастал его за плечи.

– А что, пацаны, айда завтра все вместе в клуб на танцы. Вадик с нами на танцы еще не ходил. И Веруньку с собой возьмем.

– Этого еще не хватало! – рассердился Саня. – Вечно ты, Вовка, брякнешь, не подумав. Рано ей на танцы ходить.

– А чего? Взрослая дылда уже. Наши бабки в ее возрасте детей рожали.

Он осекся, получив подзатыльник, – Мишка, перекинув ногу через лавку, сел рядом.

– Ты говори, да не заговаривайся, умник.

– Нет, честно, – не унимался несообразительный Вовка, – моя бабка в четырнадцать лет замуж вышла.

– Я замуж за Саню пойду, – сказала Вера. – Ты меня замуж возьмешь?

– Возьму, – ответил он очень серьезно.

– Куда денется, – повторил Мишка уже знакомую Вадиму фразу, – мои предки спят и видят, когда Саня с Веркой вырастут и поженятся.

– Ты тогда не будешь от меня все время уходить? – спросила Вера, теребя пуговицу на Санюм пиджаке.

– Никогда не буду уходить.

– Я через три года получу паспорт, и мы поженимся, – категорически заявила девочка.

– Ишь, какая прыткая! – охладил сестру Мишка. – Замуж ты пойдешь лет через шесть, не раньше. Он еще в институт собирается поступать.

– Ты уедешь в Ленинград? – спросила она с ужасом.

– Я буду часто приезжать, рыжик, – попытался он ее успокоить. – Потом ты школу окончишь и тоже приедешь поступать.

Упоминание о Северной столице привлекло ее внимание к Вадиму и послужило поводом для того, чтобы перенести на него свое неудовольствие. Она с минуту неприязненно его изучала, после чего произнесла с мстительным вызовом в голосе:

– Твой друг очень некрасивый!

– Нельзя так говорить, Вера, – строго сказал Саня. – Если кто-то кажется тебе некрасивым, это вовсе не значит, что так оно и есть. Да и не к лицу ему красоваться. Вадим умный и честный, а этого вполне достаточно.

– Сань, я не обижаюсь, – подал голос Вадим. Ему очень не хотелось восстанавливать против себя девочку, но та, кажется, уже закусил удила.

– Ты любишь его больше меня? – спросила Вера и посмотрела на Вадима с такой темной ревностью, что ему стало не по себе.

Он видел, что она смущает и ставит Саню в тупик своим прямолинейным натиском.

– Ты задаешь слишком много вопросов, – попробовал шутливо отбиться Саня.

– Нет, скажи! – закричала она с ожесточением. – Ты должен любить меня больше!

– Я ухожу, – сказал Саня и встал, – пошли, Вадим, нам пора.

У Веры в глазах забился страх. Ее прелестное личико жалко исказилось, губы задрожали, она сжала руки и быстро, с тоскливой мольбой, переводила взгляд с брата на Саню.

У Вадима неожиданно защемило сердце. Возможно, он понимал ее в этот миг лучше, чем кто-либо другой. Ему бы хотелось ее утешить, но знакомство было слишком коротко. Он мало знал Веру и боялся нарваться своим непрошеным сочувствием на яростный отпор.

Саня, однако, медлил с уходом и нерешительно переминался на месте с ноги на ногу. Видно было, что ему не хочется так безжалостно расставаться с Верой.

– Знаете что, – бодро сказал он, – мы с Вадимом каждое утро ездим на рыбалку. Если хотите, поедemте с нами.

– Здорово! – одобрил Мишка. – Я вообще-то до рыбалки не большой охотник, зато могу взять отцовскую моторку, заодно Веруху покатаем, чтоб не куксилась.

– Договорились. Завтра мы вас ждем. Оденься потеплее, рыжая, и еды для себя захвати.

Безудержное горе Веры мгновенно сменилось бурным ликованием. Настроение у этого импульсивного создания менялось с угрожающей скоростью. Едва не сбив Саню с ног выражением своей необузданной благодарности, она, спустя минуту, сделалась строгой и благопристойной, точно прилежная ученица, приблизилась к Вадиму, и, потупив взор, тихо произнесла:

– Прости меня, пожалуйста, я больше так не буду. Я тоже хочу с тобой дружить. Можно?

– Конечно, Вера, мы с тобой обязательно подружимся, – сказал он, испытывая отчего-то безотчетную тревогу.

Она была одного с ним роста. Вадим увидел прямо перед собой громадные серые глаза. Они приблизились к нему вплотную, и тогда он ощутил у себя на щеке нежное прикосновение ее губ. Его обдало чем-то душистым, свежим, щекочуще-мягким и невероятно волнующим. Никогда еще ни одна девочка не целовала его и даже не прикасалась к нему. Странное незнакомое чувство пронизало его с головы до ног.

Мишка прикрикнул на сестру:

– Верка! Не лезь ты ко всем со своими поцелуями. Саню замучила, теперь за Вадима взялась.

Вера сорвалась с места, унеслась в дом, через минуту появилась снова и вручила Сане репродукцию Саврасова.

– Ты должен ее взять. Она тебе так понравилась!

Сане не хватило духу снова огорчить ее своим отказом.

Наконец они распрощались и ушли. По дороге домой Вадим спросил:

– Что с картиной будешь делать?

– Эту оставлю себе на память, а мою повесим у вас дома.

Вадим колебался и снова спросил:

– Почему ты перестал часто ходить к Вере? Ведь она тебе нравится, я вижу.

– Потому и перестал, – вздохнул Саня, – теперь все изменилось.

Вадим вспомнил поцелуй Веры и понял, что имел в виду его друг.

Глава 7

До конца лета оставалось две недели. Погода начала портиться. Часто шел дождь, за рекой гулко бранился гром и сверкали частые зарницы. Ветер, резво подскакивая, рвал листву с деревьев и швырял в реку, трепал камыши и взбивал воду в пенные хлопья. По утрам было сыро, над болотами ходил туман. Теперь мальчикам приходилось надевать резиновые сапоги и теплые фуфайки. Ненастье не могло отвратить их от леса, где было изобилие грибов и ягод.

Однажды, на рассвете, они высадились на дальнем берегу Свири и углубились в чащу, чтобы набрать грибов. Саня, шедший впереди по благоухающему мокрой травой и листьями лесу, внезапно присел и знаками призвал Вадима последовать его примеру.

– Смотри, смотри, – зашептал он, осторожно раздвигая кусты, – не шуми только, лучше вообще не дыши.

– Я себе уши исцарапал, – чуть слышно пожаловался Вадим.

– Сейчас ты такое увидишь, что забудешь о своих ушах и обо всем на свете.

Вадим уже знал по опыту: стоило с вниманием отнестись к тому, что было интересно его другу. Их взору открылась поляна, окруженная лиственными деревьями. Посреди поляны, прямо на траве, лежало облако, молочно-белое, непроницаемое в своей влажной густоте. Видно, притомилось оно в небе и заночевало в лесу на уютной лужайке до рассвета. В облаке стоял лось. Тела его не было видно в плотной белизне летучего странника, выступала лишь горбоносая голова с тяжелыми, похожими на зубчатые башни рогами. Он задумчиво потянулся к высокой ветке, захватил молодой побег мягкими вислыми губами и неторопливо, горделивым движением, повернул голову в сторону затаившихся мальчишек. На краткий миг Вадим встретился с ним взглядом. Непостижим и прекрасен был лесной великан. Вадим смотрел на него и думал: как он бродит в бескрайнем лесу, всегда один, всегда в тиши, среди деревьев и облаков, словно голубой кит в океане, в прозрачном глубоком безмолвии, существо из другого мира, тайна, которой людям не разгадать; как спит он ночью под звездами, вдыхая запахи сосновой смолы, под шелест дремотной листвы и вкрадчивый скрип вековых деревьев.

– Глаза его видишь? – спросил Саня, как будто читал мысли друга.

– Вижу, – беззвучно отозвался Вадим. – Он знает то, чего мы никогда не узнаем.

– Уйдем отсюда. Нельзя ему мешать. Этот лес для него, не для нас.

Они выбрались из кустов так же неслышно, как до того забрались, не хрустнув ни единой хворостинкой и, бесшумно ступая в малахитовый мох, тихонько удалились.

– Вон там подберезовик, – указал Саня. – А вон еще.

Они присели на корточки и стали срезать грибы.

– Ты что-то говорил мне насчет братьев и сестер на прошлой неделе, – глядя в землю, сказал Саня.

Вадим унесся мыслями в тот день, когда они плыли в моторке по Свири вместе с Мишкой и Верой. Волосы у нее были багряные, как убранство леса в осеннюю пору.

– Я думал... я хотел... но теперь у тебя есть Вера, – ему было мучительно неловко, словно он навязывался.

– Вера мне не сестра, и никогда ею не будет, – возразил Саня.

Впоследствии, вспоминая этот разговор, Вадим понимал, что очень часто Саня рассуждал и вел себя совсем как взрослый мужчина, хотя на первый взгляд казался живым, любопытным подростком, кем ему и полагалось быть, но тот, кто знал его близко, постоянно ощущал, как сквозь его жизнерадостное отношение к окружающему миру проскальзывала неуловимая, затаенная грусть.

Вадим втянул в себя воздух, собрался с духом и сказал:

– Я всегда хотел иметь брата.

– Я тоже, – отозвался Саня и, помолчав немного, добавил, – только ты понимаешь, что это очень серьезно?

– Конечно, конечно, понимаю! Я все обдумал, – он подполз к Сане на коленках. – Я хочу быть твоим братом. По-настоящему! Может, мы и взаправду родственники, раз наши бабушки живут в одном поселке.

Он ждал ответа с простодушной надеждой на лице.

– Давай сюда руку, – сказал Саня. – Мы должны скрепить нашу клятву кровью. Так полагается. – Вид у него был строгий, непреклонный, взгляд полон вдохновенной решимости.

Вадим, вспыхнув от радости, с готовностью протянул руку. Саня сделал ножом надрезы на своей и его ладонях. Священное рукопожатие и священная клятва – ритуал по всем правилам.

– Повторяй за мной: отныне и на всю жизнь мы с тобой братья! Клянемся никогда не расставаться, любить и защищать друг друга, что бы с нами ни случилось!

– Клянемся! – трижды огласили лес звонкие мальчишечьи голоса, и лось на поляне насто-роженно замер, наострив уши и шевеля круглыми ноздрями, потом повернулся, вышел из облака и величественно удалился в необъятные лесные чащобы, высоко неся благородную голову.

Глава 8

За несколько дней до начала школьных занятий в Свирицу пожаловал сам Петр Ефимыч Березин, с тем, чтобы забрать загулявшего сына домой. Приехал он в сопровождении двух вертлявых субъектов подобострастного вида, которые всюду шныряли взад-вперед и буквально обнюхали каждую пядь бабушкиного хозяйства вокруг дома и внутри него.

Березин-старший был плотным, представительным мужчиной, из тех, кто всем своим видом требуют к себе должного уважения. Каждый жест его был выверен, продуман, слова весомы и значительны. Он обладал уверенным басом, который с удовольствием демонстрировал при каждом удобном случае, искусно модулируя самыми низкими нотами. Не удивительно, что он наводил страх своей внушительной персоной на робкую покладистую Ларису и хрупкого Вадима. Роль главы семьи давалась ему безо всяких усилий, поскольку не было ничего проще, чем установить в доме диктат, подавить жену и сына своей волей. Горячая любовь к единственному сыну и наследнику ничуть не умаляла его деспотизма, скорее наоборот, подогревала, ибо Березин считал, что ребенок в четырнадцать лет – да что там в четырнадцать, в двадцать! – не способен принимать серьезные, взвешенные решения ввиду незрелости и незнания жизни. Педагогическими ухищрениями он себя не обременял, попросту пресекал в сыне малейшее проявление самостоятельности. Березин обращался с близкими людьми столь же авторитарно, сколь и с подчиненными, и беспрекословное слепое повиновение с их стороны воспринимал как нечто само собой разумеющееся.

Петр Ефимыч сидел в горнице, на самом крепком стуле, расставив для опоры длинные ноги, и с видом судьи взирал на сына, который стоял перед ним навтыжку, слегка подрагивая, но глаз при этом не опускал, смотрел на отца открыто и с долей вызова, что совсем не нравилось Березину.

– Итак, ты меня ослушался, – пророкотал он, сверля сына осуждающим взглядом. – Ты воспользовался податливым характером матери, сыграл на ее слабостях и любви к тебе и тем самым пренебрег моим доверием.

– Будет тебе, Петя, – дерзнула вмешаться бабушка, – что худого в том, что Вадя провел у нас каникулы? Ты вспомни, каким его к нам отправил. В чем только душа у него держалась! А теперь – эвон какой добрый молодец, глядишь, со дня на день в рост пойдет. За что ты его казнишь, Петя?

– Не выгораживайте его, мама, – строго оборвал зятя, – я от сына разгильдяйства не потерплю. Сказано было – на десять дней, а он самовольно остался на все лето. Без меня ты больше сюда не приедешь. А я человек занятой, как ты знаешь. Пусть это будет тебе уроком.

– Приеду, – буркнул Вадим.

– Что-о?! – громыхнул Березин. – Что ты там лопочешь?

– Я снова сюда приеду! – сверкая глазами на отца, как волчонок, заносчиво выкрикнул Вадим, хотя внутри у него все рвалось.

Отец никогда не наказывал его физически, за всю жизнь пальцем не тронул. Вадим не мог понять, отчего, откуда этот страх?

Он побежал и спрятал лицо на груди у деда.

– Эк ты развоевался, Петр, – рассердился дед, – затюркал совсем мальчонку! Чай не в кабинете у себя сидишь да холуев своих распекаешь. Должность твоя глаза тебе застит. Это ведь сын твой родной. Восстановишь против себя, потом трещину не заделаешь. Так что мозгами-то своими начальственными пораскинь.

Петра Ефимыча, давно испорченного властью и вседозволенностью, отнюдь нельзя было назвать глупым человеком. Совсем наоборот: он был умен, изворотлив, дипломатичен и услужлив с вышестоящими. В сущности, именно его конформизм и пренебрежение требованиями

морали позволили ему занять нынешнее высокое положение. Благодаря подобной гибкости своей натуры, он и теперь сумел вовремя перестроиться и сменить гневный тон на задумчивый, отеческий, каким говорил с Вадимом лишь в исключительных случаях.

– Ладно, сынок, будем считать, что мы с тобой оба погорячились, – произнес он в самом бархатном своем регистре, – и иди ко мне, поговорим спокойно. Мама рассказывала, ты тут с хорошим парнем сдружился. Это правда?

«Не мытьем, так катаньем, – думал он в это время. – Чтобы я мальчишку не обломал?»

Вадим высунул голову из-под дедовой подмышки.

– Ага, правда, – отозвался он, пока еще с недоверием глядя на отца.

– Ты не хочешь меня с ним познакомить?

– Зачем тебе? – непочтительно осведомился не в меру осмелевший отпрыск.

– Для меня важно знать, с кем дружит мой сын. Если ты выбрал действительно достойного друга, я могу это только приветствовать, и в следующий твой приезд к бабушке мы с мамой не будем беспокоиться.

– Он придет меня провожать, тогда и познакомлю, – ворчливо отозвался сын и пошел собирать вещи.

Березин с тестем вышли на крыльцо. Петр Ефимыч закурил.

– Ну что, отец, как вы тут живете-можете? Пенсии хватает?

– Хватает помаленьку. У меня ветеранская, еще Дусина; опять же огород какое-никакое подспорье.

– Я там матери денег оставил. До зимы дотянете, потом еще пришлю.

– Благодарствуем. Ты бы зимой к нам внука снова прислал. Помощничек хоть куда! И радость нам, старикам. Ты о нем не беспокойся. Саня за ним лучше всяких мамок и нянек ходит.

Березин курил, шурясь от сигаретного дыма.

– Что ж это за Саня такой? Сын мне сроду не перечил, и вдруг – на тебе!

– Мужиком, значит, будет. Ты в толк взять не хочешь, что возраст у него самый нежный, к нему сейчас подход нужен, а не распорядок дня.

Березин посмотрел на него и улыбнулся.

– Переезжали бы вы, батя, к нам в Ленинград. Квартиру вам предоставим отдельную, где-нибудь от нас поблизости. Лариса за родителей будет спокойна, с Вадимом будете видеться хоть каждый день, да и жить в городе несравнимо легче. Мать вон ведра уже с трудом таскает, на огороде спину гнет, еще год-два, а дальше что?

Николай Лукич окинул взглядом светлый горизонт, серебящуюся реку и в розовой дымке лес вдаль.

– Дальше-то? Известно – что. Я и так зажил на белом свете сверх всякой меры. А все на Свирь родимую не налюбуюсь. Может, потому и живу так долго, что она силы мне дает. Здесь я родился, здесь жил, на Ладоге воевал, здесь и помру; что мне отмерено было, все сполна получил. Какую жизнь мне еще искать? А за заботу спасибо.

– Ну, как знаешь, отец. Лара за вас сильно переживает. Вадьку зимой не ждите. Пока лед не сойдет, не пушу. Уж не обессудьте. Один он у меня.

Днем пришел Саня. С ним были Мишка и Вера.

– Вот, пришли тебя проводить, – сказал Саня. – Наверное, целый год не увидимся.

– Ничего, я теперь все выдержу. Если зимой не смогу, летом все равно приеду. Никто меня не удержит.

Березин наблюдал за ними с крыльца, не спеша удовлетворить свое любопытство. Впрочем, он уже и сам догадался, который из мальчиков Саня. Никогда еще на его памяти Вадим не общался со своим сверстником так раскованно, с такой откровенной радостью.

А ведь действительно есть в этом белобрысом мальчишке что-то необыкновенно располагающее. И девчушка хороша несказанно. Это ж надо, в такой-то глуши! Хотя, разве Лариса его не красавица? Верно старик говорит: видно, красота да благодать родной земли и на людей переходит.

Заметил он еще кое-что, внушившее ему оптимизм. Новый друг сына был явно неравнодушен к рыжеволосой девочке. С каким тайным благоговением следил он за каждым ее движением, даже когда разговаривал с Вадимом! Пожалуй, не стоит раньше времени беспокоиться. Жизнь все расставит на свои места. С чего он решил, что может потерять влияние на сына из-за простого детского увлечения?

– Что ж, давай знакомиться, – сказал он, подходя к Сане и протягивая руку. – Петр Ефимыч Березин, отец Вадима.

– Александр Юрьевич Никитин, – без тени смущения представился Саня, крепко пожимая протянутую руку, будто только и делал, что здоровался со взрослыми мужчинами.

– Выражаю тебе, Александр Юрьевич, благодарность за то, что Вадима не забывал. После школы что собираешься делать?

– Поеду в Питер в институт поступать.

– Доброе дело. Выбрал уже в какой?

– Конкретно не выбрал, я не знаю ваших институтов. Но учиться буду на зоолога или биолога. Это точно.

Петр Ефимыч только открыл рот, чтобы обещать свою помощь при поступлении, как Вадим изо всех сил дернул его за пиджак.

– Пап, мне надо с тобой поговорить, – он настойчиво тянул отца в сторону.

– Я сказал что-нибудь лишнее? – спросил Березин, решив до конца выдерживать роль демократичного родителя.

– Чуть не сказал. Не надо ему ничего обещать и предлагать. Он любит все делать сам.

– Похвальное качество. Раз уж мы отошли, я бы хотел тебя предостеречь, как человек взрослый и опытный: не спеши так накрепко привязываться к Сане. Как бы потом не постигло тебя горькое разочарование.

– Ты его совсем не знаешь, – горячо зашептал Вадим. – Он самый лучший! Я никогда в нем не разочаруюсь. Да если бы ты знал... если б знал, что он для меня сделал. – Он чуть было не рассказал, как Саня вытащил его из смертельной ловушки на болоте, но вовремя спохватился, сообразив, что вместо чувства благодарности может вызвать у отца чувство страха перед местной природой, и тогда Свирицы ему уж точно больше не видать.

– Ты меня не понял, – продолжал терпеливо объяснять Березин, – Саня, безусловно, чудесный парень – это видно по его лицу, только той идеальной дружбы, о которой ты мечтаешь, на самом деле не существует. Уж поверь своему отцу. Каждый мужчина в конце концов заводит семью, детей, и тогда дружба отходит на второй план, если вообще не забывается. А Саня твой уже влюблен, он тебе говорил?

– Не говорил, но я и сам заметил. Только это ничего не меняет. А Саня всегда знает, что делает.

– Ни один человек не может *всегда* знать, что делает, – возразил Петр Ефимыч. – Ты поймешь это, когда вырастешь.

Вадим, однако, уперся к досаде отца. Что бы тот ни говорил, какие бы аргументы ни приводил, он не подозревал, что между Вадимом и Саней существовала священная тайна, перед которой любые трезвые житейские доводы превращались в пустой звук.

Пора было трогаться в обратный путь. Вадим расцеловался с бабушкой и дедом, обнялся с Саней, и – чего уж считаться – с Михаилом, а Вере вернул поцелуй, коснувшись губами ее атласной щеки.

– Прощай, коза-дереза, – сказал он, – не оставляй его надолго одного.

– Теперь он не сможет скрываться, – заржал Мишка, – теперь школа начинается. Влипущки! Спасайся, кто может!

– Вредина! – обиделась Вера и отвернулась, закусив яркую губу, а Саня показал охальнику кулак.

Оставаться долго в одном состоянии для Веры было неестественно. Уже через минуту она сменила гнев на милость и вспыхнула улыбкой, отчего на щеках у нее заиграли золотинки. Она остановила на Сане взор ребенка, которому купили долгожданную игрушку, но еще не дали в руки.

– Вообще-то... а что? Должен ведь кто-то о нем заботиться?

Совсем скоро Вадим с отцом и его спутниками добрались на моторке до пристани и пересели на речной трамвай. Свирица оставалась позади, но Вадим не грустил. Жизнь его только начиналась.

Глава 9

Дома, в Ленинграде, едва вся семья собралась за обеденным столом, Вадим преподнес еще один сюрприз. Он объявил родителям, что в музыкальную школу больше не пойдет. Лариса от такого известия застыла, испуганно покосившись на мужа.

Последний, запивая еду отменным киндзмараули, поперхнулся и судорожно закашлялся.

– Ты отдаешь себе отчет в том, что говоришь? – отдышавшись, спросил Березин угрожающим тоном.

– Вполне, – заверил вольнодумец, – я решил заняться спортом. Лучше всего боксом.

Петр Ефимыч, забыв о благих намерениях, полностью потерял самообладание.

– Это уже переходит все границы! – загремел он, и Лариса съежилась над своей тарелкой.

– Папа, ты пугаешь маму, – сказал Вадим. – Дай спокойно поесть.

Березин умел управлять своими чувствами, хотя на этот раз удар был слишком силен.

– В таком случае, ешьте без меня, – холодно произнес он и удалился.

«Неблагодарный, – думал он, нервно разгуливая по большому, отделанному красным деревом кабинету. – Чего ему не хватало? Стоило какому-то деревенскому мальчишке втереться к нему в доверие, и он сразу же стал для него чуть ли не богом. Что это, та самая насмешка судьбы? Зачем власть, деньги, если родной сын тебя ни во что не ставит?»

Дверь приоткрылась, и в комнату несмело вошла Лариса.

– Это все ты, – сразу же накинулся он с упреками на жену, – я тебя предупреждал, я всячески пытался оградить его от ненужных знакомств. У меня все было под контролем, пока ты не пошла у него на поводу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.